КРАСНОЕ ЗНАМЯ

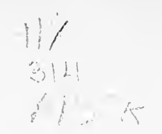
ВЪ РОССІИ

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ П. АКСЕЛЬРОДА

ИЗДАНІЕ
Революціонной Организаціи „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ"

ЖЕНЕВА
[Тип]ографія революціонной организаціи „Соціальдемократъ"
1900



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая брошюра не мало будетъ способствовать установленію генетической связи русской соціальдемократіи съ эпохой революціоннаго народничества. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда соціальдемократія впервые появилась какъ самостоятельное теченіе въ русскомъ революціонномъ движеніи, связь эта сама собою бросалась въ глаза. Притомъ же она не только живо сознавалась членами группы „Осв. Труда“, но и подчеркивалась ими въ ихъ программѣ и изданіяхъ. Сошлюсь, между прочимъ, на произведенія Плеханова „Соціализмъ и Политическая Борьба“ и „Наши Разногласія“, въ которыхъ онъ обращается къ народникамъ и главнымъ образомъ къ народовольцамъ, какъ къ товарищамъ, убѣждая ихъ, въ интересахъ ихъ собственнаго дѣла и ради обезпеченія Народной Волѣ полной гегемоніи въ революціонномъ движеніи, стать подъ знамя международной соціальдемократіи. Но по мѣрѣ того, какъ партія эта умирала и на ея мѣсто выступали люди, не рѣдко лишенные не только революціоннаго энтузіазма, но и простого революціоннаго чутья, традиціи ея все болѣе блѣднѣли въ сознаніи молодыхъ поколѣній демократической интеллигенціи и теряли надъ ними свою обаятельную силу. Мало того: подъ вліяніемъ упорной и нелѣпой вражды обскурантовъ народничества къ марксизму, въ кругахъ молодежи, тяготѣвшей къ нему, зародилось и распространилось уже прямо огульное отрицательное отношеніе къ революціонному движенію 70-хъ годовъ. На это печальное явленіе я уже указалъ въ своей брошюрѣ „Къ вопросу о задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ“. Въ настоящее же время, когда подъ флагомъ „чистаго рабочаго движенія“ дѣлаются попытки совратить послѣднее съ революціоннаго пути, индифферентизмъ, а тѣмъ болѣе отрицательное отношеніе къ народническому періоду получаютъ уже ... реакціонный смыслъ. Въ виду этихъ попытокъ, мы должны, наоборотъ, стараться оживить героическія преданія нашей ...ціонной „старины“ и выяснить ея роль и значеніе въ

историческомъ процессѣ подготовленія элементовъ и почвы для русскаго социальдемократическаго движенія. Этимъ именно соображеніемъ мы и руководствовались, когда мы въ „Объявленіи о возобновленіи изданій группы Осв. Труда" писали, что „въ настоящій моментъ социальдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію съ революціоннымъ народничествомъ".

Настоящей своей брошюрой авторъ идетъ на встрѣчу этой потребности нашего движенія. Составляя свой очеркъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду цѣль, гораздо болѣе широкую, чѣмъ только-что указанная. Но разсматривая наше социальдемократическое движеніе, какъ родное дѣтище и прямое продолженіе революціоннаго движенія народнической эпохи, онъ, попутно, прямо или косвенно, способствуетъ возстановленію въ умахъ тѣхъ нитей, которыя связываютъ первое съ послѣднимъ. Да едва-ли авторъ взялся бы за свой настоящій трудъ, если бы онъ иначе смотрѣлъ на родословную русскаго рабочаго движенія. Въ настоящемъ своемъ видѣ оно еще такъ недавно появилось на свѣтъ, такъ молодо, что не можетъ еще претендовать на самостоятельное мѣсто въ исторіи. Пока, оно должно быть разсматриваемо, какъ начало совершенно новаго революціоннаго движенія въ Россіи, и въ то же время какъ продолженіе и заключительный фазисъ предшествовавшаго ему революціоннаго періода. И только придерживаясь такого взгляда на наше рабочее движеніе, позволительно искать начало его зарожденія и развитія такъ далеко за хронологическими предѣлами его современнаго, оффиціально-партійнаго существованія, какъ это съ полнымъ основаніемъ дѣлаетъ авторъ.

На революціонное движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ онъ смотритъ, какъ на движеніе социалистическое, одной изъ особенностей котораго является то, что оно развивалось особнякомъ отъ стихійной экономической борьбы рабочихъ массъ съ ихъ непосредственными эксплуататорами, сосредоточиваясь исключительно въ кругу радикальной интеллигенціи и передовыхъ единицъ городского пролетаріата. Какъ извѣстно и какъ авторъ подчеркиваетъ, такимъ же характеромъ отличалось социалистическое движеніе и на Западѣ въ эпоху, предшествовавшую „современному международному социалистическому рабочему движенію", въ которомъ социализмъ и практическія стремленія рабочихъ массъ къ непосредственнымъ улучшеніямъ на почвѣ капиталистическаго общества органически соединены въ одно неразрывное цѣлое, образуя одинъ

революціонный потокъ противъ основъ этого общества. Приравнивая въ этомъ отношеніи эпоху революціоннаго народничества къ періоду господства утопическаго социализма въ передовыхъ странахъ, авторъ тѣмъ самымъ ясно указалъ и выдвинулъ на первый планъ общность идейной (но не теоретической, въ тѣсномъ смыслѣ слова) почвы у нашего движенія и у предшествовавшаго, народническаго. Но кромѣ стремленія къ социалистическому перевороту, какъ главной конечной цѣли русскаго революціоннаго движенія, народническая эпоха завѣщала намъ и идею революціонной самодѣятельности народныхъ массъ, какъ единственно вѣрнаго пути для совершенія этого переворота. Далѣе, въ теченіе той же эпохи созданы были первые кадры сознательныхъ революціонеровъ въ рабочей средѣ, уже сознательно стремившихся вызвать въ ней самостоятельное революціонное движеніе. Затѣмъ, съ народническимъ періодомъ насъ соединяетъ и одинаковость основныхъ условій положенія рабочаго класса въ Россіи, которыя, по справедливому замѣчанію автора брошюры, не измѣнились въ теченіе цѣлой четверти вѣка, протекшей со времени основанія перваго Южно-русскаго Рабочаго Союза. Чрезвычайно важной точкой соприкосновенія между разсматриваемыми революціонными періодами является, наконецъ, и социальный составъ большинства руководителей движенія. И теперь, какъ въ народническую эпоху, главный штабъ руководителей революціонныхъ элементовъ вербуется у насъ еще преимущественно изъ разночинской интеллигенціи.

Не смотря, однако, на только-что указанныя точки соприкосновенія между старымъ и новымъ революціоннымъ движеніемъ, переходъ отъ перваго къ послѣднему потребовалъ преодолѣнія гораздо болѣе трудныхъ теоретическихъ препятствій, чѣмъ тѣ, съ которыми современная социальдемократія столкнулась на Западѣ. Препятствія эти вытекали, главнымъ образомъ, изъ двухъ особенностей въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ социальдемократическое теченіе возникло на русской почвѣ. На Западѣ, социальдемократія, при появленіи своемъ на исторической сценѣ, застала пролетаріатъ уже вполнѣ сформировавшимся и борющимся за свои интересы классомъ, а буржуазную интеллигенцію — уже распростившейся со своими прежними революціонными стремленіями, въ лагерѣ эксплуататорскихъ классовъ, въ роли ихъ идейнаго и политическаго авангарда. Піонерамъ новаго социалистическаго движенія приходилось тамъ, слѣдовательно, съ самаго начала обращаться, главнымъ образомъ, къ рабочимъ, и само оно

родилось, такъ сказать, какъ непосредственное рабочее движеніе. Въ Россіи же соціальдемократія появилась на свѣтъ въ то время, когда промышленный пролетаріатъ находился еще въ первыхъ стадіяхъ своего выдѣленія изъ общей народной массы въ особый классъ и когда, за исключеніемъ незначительной горсти сознательныхъ рабочихъ, онъ въ революціонномъ смыслѣ спалъ еще глубокимъ сномъ. Главной революціонной силой являлась у насъ тогда именно интеллигенція, и къ ней, стало быть, нужно было прежде всего апеллировать въ интересахъ обезпеченія новому соціалистическому направленію возможно болѣе быстрыхъ успѣховъ и прочнаго развитія на русской почвѣ. Для того, чтобы пробудить русскихъ рабочихъ къ сознательной исторической жизни и вызвать въ нихъ классовое революціонное движеніе, необходимо было завоевать умы и сердца наличныхъ революціонныхъ элементовъ въ пользу такого движенія, выяснивъ имъ, что только въ немъ одномъ заключается залогъ для полнаго торжества идеаловъ и стремленій, воодушевляющихъ саму нашу радикальную интеллигенцію. Уже одно это обстоятельство само по себѣ должно было усложнить содержаніе и задачи теоретической пропаганды русской соціальдемократіи при самомъ ея зарожденіи. Во Франціи, Бельгіи или Италіи теоретическая задача первыхъ соціальдемократовъ состояла, главнымъ образомъ, въ выясненіи рабочимъ наиболѣе раціональныхъ путей и средствъ освободительной борьбы, которую они сами уже начали еще до появленія соціальдемократіи. У насъ же передъ нею въ самомъ началѣ стояла на первомъ планѣ задача выясненія радикальной интеллигенціи исторической законности и необходимости сознательно-революціоннаго рабочаго движенія на русской почвѣ. Но на этомъ пути намъ пришлось столкнуться съ цѣлымъ общественнымъ міросозерцаніемъ, возникшимъ и сложившимся въ эпоху перехода Россіи отъ натуральнаго и крѣпостническаго хозяйства къ капиталистическому, когда въ русской жизни господствовалъ еще не классовой, а сословный антагонизмъ. Необходомость отстаивать свои интересы въ борьбѣ съ революціонными воззрѣніями, коренившимися въ общественной почвѣ, принципіально отличной отъ капиталистцческой, составляетъ вторую особенность въ положеніи первыхъ русскихъ соціальдемократовъ, которая, вмѣстѣ съ вышеуказанной, опредѣлила общій характеръ, объемъ и содержаніе ихъ теоретической пропаганды.

Народническій соціализмъ представляетъ собою продуктъ приспособленія господствовавшихъ на Западѣ, на зарѣ нашего рево-

люціоннаго движенія, ученій утопическаго соціализма, къ отсталой русской дѣйствительности. Но уже классическія системы этого соціализма возникли подъ прямымъ вліяніемъ обнаружившагося классового антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей. Основатели этихъ системъ, читаемъ мы въ Манифестѣ Коммунистической Партіи, понимали, что „со своими планами они являются выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса, какъ болѣе другихъ страдающаго“. Общественныя отношенія, теоретическимъ протестомъ противъ которыхъ явились ученія особенно Фурье и Роберта Оуэна, отличаются отъ современныхъ западно-европейскихъ преимущественно степенью своего развитія, а не основнымъ своимъ характеромъ. Историческая почва и основныя общественныя тенденціи принципіально однородны у научнаго и утопическаго соціализма. И какъ современный капитализмъ представляетъ собою лишь высшую ступень той же экономической эволюціи, которая вызвала къ жизни утопическія ученія, такъ и современный соціализмъ является только болѣе научной, болѣе совершенной теоретической формой для выраженія тѣхъ же основныхъ общественныхъ тенденцій и задачъ, которыя представляютъ практическій корень и центръ тяжести этихъ ученій. Коренной ихъ недостатокъ въ области практики состоялъ, какъ извѣстно, въ отрицательномъ отношеніи къ „классовой организаціи пролетаріата“ и его „исторической самодѣятельности“. Но съ поступательнымъ ходомъ стихійнаго, массового рабочаго движенія и измѣненіемъ соціальнаго состава революціонныхъ кружковъ, вслѣдствіе возроставшаго притока передовыхъ элементовъ изъ рабочаго класса на счетъ элементовъ буржуазныхъ, недостатокъ этотъ устранялся какъ бы самъ собою въ практикѣ соціалистическаго движенія, безъ предварительной коренной ломки въ его теоретическихъ основаніяхъ. Историческій процессъ сближенія этого движенія съ массовымъ рабочимъ движеніемъ въ немногихъ словахъ прекрасно очерченъ въ печатаемой брошюрѣ. Для моей цѣли важно лишь оттѣнить тотъ фактъ, что въ большинствѣ западныхъ странъ процессъ этотъ ко времени возникновенія соціальдемократическаго теченія значительно подвинулся уже впередъ, такъ что классовой антагонизмъ и борьба пролетаріата съ буржуазіей признавались тамъ анархистами и бланкистами, не только какъ безспорные факты, но и какъ главные базисы и рычаги для революціоннаго соціализма. При такихъ условіяхъ, соціальдемократія могла постепенно упрочиться и даже вытѣснить соціалистическія фракціи, теоретическіе

корни которыхъ лежали въ утопическомъ соціализмѣ, не вступая въ рѣшительную борьбу съ основами его міросозерцанія. Ей достаточно было пустить въ оборотъ только нѣкоторыя изъ положеній и выводовъ марксизма, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ программѣ дѣйствій борющагося пролетаріата, чтобы успѣшно конкурировать съ представителями утопическаго соціализма въ рабочемъ движеніи. Можно сказать, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ практическая политика соціалистовъ стала соціальдемократической, путемъ усвоенія ими гомеопатическихъ дозъ изъ современнаго соціализма и эклектическаго сочетанія ихъ съ наличнымъ кругомъ идей, унаслѣдованнымъ отъ эпохи соціализма утопическаго. Подъ давленіемъ роста рабочаго движенія и капиталистическаго развитія, идеологи пролетаріата, воспитанные на его идеяхъ сами иногда не сознавая этого, практически эволюціонизировали въ направленіи къ соціальдемократической программѣ и тактикѣ. Ихъ мысль реформировалась въ духѣ практическихъ воззрѣній соціальдемократіи, а не революціонизировалась въ своихъ теоретическихъ основаніяхъ. Типическимъ примѣромъ такой эволюціи является рабочая партія въ Бельгіи, практика которой стоитъ безусловно на высотѣ ученій соціальной демократіи, между тѣмъ какъ теоретическій ея базисъ отличается большимъ эклектизмомъ.

Въ Россіи, путь полуэмпирической и эклектической эволюціи отъ утопическихъ воззрѣній къ соціальдемократіи исключался исторически разнороднымъ характеромъ ея основныхъ, объективныхъ задачъ и тенденцій и тѣхъ, которыя составляли реальный двигатель и подкладку утопическаго соціализма на русской почвѣ. У насъ этотъ послѣдній явился идейнымъ знаменемъ для революціоннаго движенія, вызваннаго къ жизни гнетомъ абсолютизма и сословныхъ привиллегій, движенія, историческая миссія котораго состояла въ томъ, чтобы поднять крестьянскія массы во имя ихъ сословныхъ интересовъ на борьбу противъ унаслѣдованнаго отъ эпохи крѣпостного права государственнаго и общественнаго строя. Внутренняя, органическая (а не субъективная), если можно такъ выразиться, тенденція этого движенія приблизительно такъ же далека была отъ соціализма, какъ буржуазныя революціонныя движенія Англіи, Франціи или Германіи въ соотвѣтствующія эпохи ихъ исторіи. Черезчуръ „проницательный читатель“ увидитъ въ этихъ словахъ противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ авторъ брошюры и что у меня въ началѣ предисловія сказано о соціалистическихъ цѣляхъ и стремленіяхъ нашей интел-

лигенціи въ народническій періодъ. Но въ дѣйствительности противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, или только кажущееся. Субъективно, въ сознаніи его революціонныхъ представителей, движеніе имѣло цѣлью „измѣненіе основъ существующаго строя“, т. е. произведеніе соціалистическаго переворота, но по своему общественному смыслу и своей реальной исторической тенденціи оно стремилось къ измѣненію правовыхъ основъ этого строя и къ перераспредѣленію поземельной собственности въ пользу крестьянскаго сословія. Подъ вліяніемъ ученій утопическаго соціализма, насущная историческая задача радикальнаго очищенія русской почвы отъ старыхъ юридическихъ основъ и надстроекъ на время совсѣмъ исчезла изъ революціонныхъ программъ интеллигенціи, такъ что съ формальной стороны можно сказать, послѣдняя грѣшила безусловнымъ пристрастіемъ къ „соціалистическимъ идеаламъ“ и слѣпой враждой къ либерализму. Впослѣдствіи въ ея средѣ нашлись мудрецы, приписавшіе этому главную причину пораженія народническаго революціоннаго движенія и настойчиво совѣтовавшіе впредь запрятать соціализмъ, — вплоть до того блаженнаго времени, когда Россія станетъ конституціоннымъ государствомъ. Но въ дѣйствительности причиной этой былъ недостатокъ элементовъ въ народѣ не только для соціалистическаго, но и для широкаго революціоннаго движенія вообще*). Если

*) „Народъ“ былъ у насъ въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ тождественъ съ крестьянствомъ не только въ представленіи интеллигенціи, но и болѣе или менѣе въ дѣйствительности. А крестьянство неспособно было къ борьбѣ не только за „соціальную революцію“, но и за менѣе радикальныя цѣли. Бакунисты надѣялись подготовить его къ общему возстанію, путемъ участія въ мѣстныхъ „бунтахъ“, организаціи и расширенія ихъ. Но эта программа основана была на традиціяхъ народныхъ движеній того далекаго, давно похороненнаго прошлаго, когда силы сопротивленія народа были гораздо значительнѣе, а административныя и военныя силы государства гораздо слабѣе, чѣмъ въ Россіи второй половины XIX-го вѣка. Оставляя въ сторонѣ всякія другія соображенія, можно сказать, что соотношеніе этихъ силъ уже само по себѣ дѣлало невозможнымъ возникновеніе, а тѣмъ болѣе успѣхъ широкаго стихійнаго крестьянскаго возстанія. Но точно также утопично было стремленіе фракціи лавристовъ или пропагандистовъ вызвать обще-крестьянское сознательное революціонное движеніе, по духу и характеру подходящее къ современному рабочему движенію на Западѣ. Если для бунтарской политики уже не было, то для систематической пропагандистской

бы въ народной массѣ такихъ элементовъ было достаточно, то, подъ какимъ бы идейнымъ флагомъ оно ни началось, — объективная логика русской экономической дѣйствительности и ходъ борьбы привели бы непосредственно не къ соціалистическому, а къ либеральному перевороту. Но въ томъ-то и дѣло, что революціонныхъ силъ въ народѣ въ наличности слишкомъ мало было — и историческая миссія идейной разночинской интеллигенціи осталась невыполненной. Въ этихъ двухъ, внутренно связанныхъ фактахъ и заключается одна изъ главныхъ причинъ, въ силу которыхъ народническое движеніе, не смотря на свою особенную историческую основу и на свою объективно-общественную тенденцію, подобно утопическимъ соціалистическимъ движеніямъ на Западѣ играло у насъ роль подготовительнаго фазиса для соціальдемократіи, и подобно имъ, внутренно связана съ ней. Не рѣшенная народническимъ періодомъ общественная задача ждетъ еще своего рѣшенія, но оно лежитъ не въ народныхъ элементахъ, созданныхъ эпохой крѣпостническаго и натуральнаго хозяйства, а въ классовой борьбѣ нашего юнаго промышленнаго пролетаріата съ юной промышленной буржуазіей. Классовая борьба перваго со второй должна явиться у насъ базисомъ и рычагомъ для искорененія сословнаго антагонизма и для освобожденія Россіи отъ архаической организаціи государства. Это значитъ, что на долю освободительнаго движенія рабочаго класса и соціализма выпадаетъ у насъ историческая миссія, въ большей или меньшей степени выполненная на Западѣ въ свое время либерализмомъ. Но отсюда въ то же время слѣдуетъ, что и демократическая интеллигенція, игравшая на Западѣ роль революціоннаго знаменоносца радикальнаго либерализма, должна въ Россіи стать авангардомъ соціалистическимъ, не только субъективно, по своимъ общимъ идеаламъ и идейнымъ лозунгамъ, но и по объективному содержанію и общественному смыслу своей практической дѣятельности, т. е. она должна прежде всего стать на почву общеклассовыхъ интересовъ пролетаріата, проникнуться ими и слить съ ними свои идеальныя стремленія и революціонные помыслы. И вотъ для расчистки пути въ умы радикальной интеллигенціи этому взгляду на историческую роль и взаимныя отношенія ея и нашего пролетаріата, понадобилось совершить цѣлую теоретическую революцію въ головахъ нашихъ революціонеровъ и кандидатовъ въ таковые. Плеханова упрекали, какъ писателя, и всю группу „Осв. Труда", какъ издательскій и пропагандистскій кружокъ, что онъ и она потратили значительно больше силъ и средствъ на борьбу съ теоретическими и философскими заблужденіями и предубѣжденіями народнической интеллигенціи, чѣмъ на чисто рабочую литературу. Упреки эти, поскольку они диктуются безкорыстными мотивами, основаны на совершенномъ незнаніи и непониманіи условій зарожденія и первоначальнаго развитія русской соціальдемократіи.

Поучительна въ этомъ отношеніи судьба практическихъ попытокъ у насъ въ соціальдемократическомъ духѣ въ теченіе 70-хъ годовъ. О попыткахъ этихъ разсказываетъ авторъ брошюры. Читая о нихъ, невольно спрашиваешь себя: отчего всѣ онѣ оказались безконечно менѣе прочными и устойчивыми, чѣмъ другія революціонныя организаціи того десятилѣтія? Отчего онѣ не оставили по себѣ теченія, способнаго хоть на столько выдержать противодѣйствіе враждебныхъ силъ, чтобы не затеряться и не заглохнуть? Когда группа „Осв. Тр." выступила съ пропагандой соціальдемократическихъ идей, мысль о сознательно-революціонной самодѣятельности русскаго пролетаріата встрѣчена была, какъ нелѣпая утопія, о которой въ русской революціонной средѣ никогда не слыхали. Мы увидѣли себя не въ роли продолжателей дѣла, уже ранѣе начатаго, а наоборотъ, въ положеніи людей, расчищающихъ путь въ мѣстности, по которой раньше нога человѣческая еще не ступала. Значитъ, соціальдемократическіе зародыши народническаго періода не успѣли на столько развиться и укрѣпиться, чтобы оставить по себѣ сколько-нибудь живыя традиціи, на которыя можно было бы съ успѣхомъ опереться при возобновленіи усилій на пользу организаціи среди русскихъ рабочихъ самостоятельнаго движенія.

Хотя нашъ авторъ и не ставитъ прямо вопроса о причинахъ этого факта, въ брошюрѣ находятся, однако, данныя и указанія для отвѣта на этотъ вопросъ. Заключеніе, къ которому они приводятъ, состоитъ въ томъ, что непосредственной причиной слабости и неустойчивости первыхъ соціальдемократическихъ попы-

---

и организаціонной работы въ народныхъ массахъ — подъ какимъ бы то ни было революціоннымъ знаменемъ — въ широкомъ масштабѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ почва еще не была подготовлена. Поэтому, когда въ передовицѣ № 1 „Нар. Воли" заявлено было, что вести пропаганду въ народѣ значитъ „биться, какъ рыба объ ледъ", то съ точки зрѣнія непосредственныхъ революціонныхъ цѣлей и задачъ народническаго періода, заявленіе это соотвѣтствовало реальному положенію вещей и представляло собою выводъ изъ опыта тогдашнихъ революціонеровъ.

токъ явилось пассивное отношеніе къ нимъ со стороны наиболѣе активныхъ революціонныхъ силъ народническаго періода. Чтобы преодолѣть эту пассивность ихъ, необходимо было выяснить и показать имъ, что дальнѣйшій ростъ и успѣхъ русскаго революціоннаго движенія возможны только подъ условіемъ превращенія его въ классовое, т. е. политическое, движеніе русскаго пролетаріата. Но инціаторы начинаній соціальдемократическаго характера въ 70-хъ годахъ сами далеки были отъ такого взгляда на историческую роль нашего рабочаго класса и на обязанности радикальной интеллигенціи по отношенію къ нему. Начинанія эти носили характеръ эмпирическихъ попытокъ, въ теоретическомъ отношеніи оставаясь болѣе или менѣе въ кругу господствовавшихъ идей и въ большинствѣ случаевъ не очень удаляясь отъ нихъ. Примѣромъ можетъ служить, между прочимъ, и упоминаемый авторомъ второй Южно-русскій Рабочій Союзъ, для котораго я написалъ програму и довольно большую объяснительную записку къ ней*). Какъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ и ближайшимъ требованіямъ, такъ и по общей мотивировкѣ ихъ, программа эта была столь же соціальдемократична, какъ и программы большинства западныхъ соціальдемократическихъ партій въ то время. Но въ основѣ ея лежала еще порядочная доза бакунизма, эклектически смѣшанная съ воззрѣніями соціальдемократическими. Обращаясь непосредственно къ сознательнымъ представителямъ рабочихъ, я могъ, въ своихъ теоретическихъ посылкахъ, ограничиться указаніемъ на необходимость соціалистической революціи въ интересахъ окончательнаго освобожденія пролетаріата и выясненіемъ извѣстнаго положенія Интернаціонала, что освобожденіе это можетъ и должно быть дѣломъ самого рабочаго класса. Эти посылки достаточны были для того, чтобы мотивировать передъ рабочими програму, въ которой, вслѣдъ за соціалистической цѣлью, фигурировали „ближайшія требованія“ — экономическія и политическія. Но онѣ совершенно не затрагивали общаго характера народническаго движенія и его теоретическихъ основъ и уже потому рѣшительно не могли повліять на образъ мыслей революціонной интеллигенціи въ смыслѣ благопріятномъ для пропаганды и агитаціи среди рабочихъ. Для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на эту интеллигенцію и обезпечить за возникшими въ 70-хъ годахъ рабочими организаціями болѣе или менѣе прочную традицію, необходимо было, основывая ихъ, въ то же время начать принципіальную борьбу съ революціонными воззрѣніями, въ которыхъ центральное мѣсто занимали, съ одной стороны, идеализація крестьянства, съ уцѣлѣвшими „устоями“ старой Россіи, и вѣра въ историческое всемогущество интеллигенціи, а съ другой — пессимистическія представленія о пролетаріатѣ и совершенно превратныя понятія о природѣ и историческихъ тенденціяхъ капитализма. Борьбу эту нужно было начать въ одно и то же время во имя настоящихъ и будущихъ интересовъ русскаго рабочаго класса — и во имя интересовъ самого революціоннаго движенія, начатаго интеллигенціей, и его насущныхъ историческихъ задачъ. Но въ разсматриваемое время некому и некогда было взяться за нее. Инціаторами ея должны были явиться члены той же интеллигенціи, которая воспитана была на міросозерцаніи, принципіально противоположномъ научному соціализму. Она переживала тогда героическій фазисъ своей исторической жизни и находилась еще подъ вліяніемъ живыхъ традицій эпохи, въ которой сложилось это міросозерцаніе. Все это вмѣстѣ держало революціонную мысль какъ бы на привязи, сковывало ее и мѣшало высвободиться изъ круга старыхъ воззрѣній даже тѣмъ немногимъ представителямъ революціонной интеллигенціи, которые серьезно сочувствовали дѣлу пропагадны и организаціоннымъ попыткамъ среди рабочихъ. Принципіальная критика этихъ воззрѣній могла начаться и дѣйствительно началась лишь послѣ того, какъ народническое движеніе, ходомъ и результатами своими, приведено было въ тупой уголъ, и передъ революціонными элементами самъ собою выдвинулся роковой вопросъ: Что же теперь? Куда и какъ дальше идти?

На сколько планъ и задача, поставленныя себѣ авторомъ брошюры, позволяли, онъ остановился на этомъ переходномъ моментѣ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Принимаясь за свое предисловіе, я намѣревался воспользоваться выходомъ въ свѣтъ этой брошюры для того, чтобы подвести итогъ теоретической революціи, оказавшейся необходимой для „выведенія русскаго революціоннаго движенія на новый путь“. Для этого мнѣ нужно было бы, съ сочиненіями Плеханова въ рукахъ, до-

*) Вскорѣ послѣ основанія названнаго Союза я, по требованію товарищей, долженъ былъ переселиться въ Питеръ, и скоро во главѣ его стали народовольцы. Замѣчу кстати, что ни одинъ изъ рабочихъ, вошедшихъ въ этотъ Союзъ, ни разу не упоминалъ передо мною объ одесской рабочей организаціи того же имени, погибшей въ 1875 г. Очевидно, у нихъ не сохранилось о ней никакихъ традицій, хотя всѣ они еще до моего пріѣзда въ Одессу были спропагандированы.

полнить и оттѣнить замѣчанія автора о дѣятельности группы „Осв. Тр.". Къ сожалѣнію, упорная болѣзнь и многократные перерывы въ работѣ изъ-за неотложныхъ партійныхъ и другихъ обстоятельствъ, заставили меня отказаться отъ своего намѣренія. Питаюсь надеждой осуществить его при другомъ случаѣ. Тогда ужь кстати придется подвести итогъ и фактическимъ идейнымъ результатамъ этой революціи, т. е. привести въ ясность, какіе элементы научнаго соціализма, въ какомъ видѣ и сочетаніяхъ вошли въ сознаніе массы соціальдемократической интеллигенціи и фактически вліяютъ на общее направленіе ея мысли и дѣятельности. Наше юное рабочее движеніе, повидимому, переживаетъ теперь критическій фазисъ въ своемъ развитіи, хотя тенденціозные оптимисты „Раб. Дѣла" и отрицаютъ или, по крайней мѣрѣ, недавно отрицали это. Въ такой моментъ очень полезно бываетъ бросить взглядъ на пройденный путь и привести въ ясность результаты, добытые на немъ.

Заканчивая свое предисловіе, я позволю себѣ обратить серьезное вниманіе читателей на брошюру, къ которой оно написано. Она является первымъ опытомъ историческаго очерка нашего юнаго движенія, и такимъ опытомъ, который даетъ нѣчто гораздо болѣе существенное, чѣмъ голое, хотя бы и красивое описаніе внѣшнихъ фактовъ и событій. И еще разъ приходится мнѣ выразить сожалѣніе, что крайне неблагопріятныя обстоятельства лишили меня возможности остановиться спеціально на отдѣльныхъ частяхъ этого произведенія и высказаться по поводу затрагиваемыхъ въ немъ вопросовъ съ той полнотой, какую оно заслуживаетъ.

Цюрихъ, октябрь 1900 г. П. Аксельродъ.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ВЪ РОССІИ

(ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ)

Русская буржуазія, кичась своей не особенно великой образованностью, привыкла смотрѣть на русскихъ рабочихъ, какъ на темную, невѣжественную массу, въ которой будто бы никогда и не зарождалось стремленія къ участію въ общественной, въ политической жизни.

Буржуазные интеллигенты, погрязшіе въ предразсудкахъ своего класса, смотрятъ сверху внизъ на русскій пролетаріатъ, не отличая его отъ того буйнаго, но мало сознательнаго люда, который въ такомъ громадномъ количествѣ ютится во всѣхъ крупныхъ городахъ. Когда этихъ буржуазныхъ интеллигентовъ сильно начинаетъ давить косолапое полицейское правительство, и они чувствуютъ всю необходимость ограничить его самовластіе и добиться политической свободы, они вздыхаютъ о томъ, что дескать въ прочихъ странахъ эта свобода была завоевана народомъ, а у насъ, въ Россіи, рабочій классъ вовсе и не думаетъ о лучшихъ порядкахъ, такъ что и свободы приходится ожидать только отъ Божьяго попущенія и царевой милости. Въ Западной Европѣ, говорятъ они, рабочій движется, развивается; у насъ же молчалъ и молчитъ. И, если въ самое послѣднее время часть буржуазной интеллигенціи и начинаетъ какъ будто съ любопытствомъ приглядываться къ морю рабочаго народа, то всетаки всѣ увѣрены, что прежде-то это море всегда было тихо.

А между тѣмъ, это мнѣніе совершенно неосновательно. Русское рабочее движеніе *вовсе не такое новое явленіе*, какъ воображаютъ буржуазные либералы. Оно считаетъ за собой цѣлыя десятилѣтія, въ теченіе которыхъ развивалось, хотя и медленно и не безъ перерывовъ.

Въ нашей книжкѣ мы хотимъ представить очеркъ исторіи этого движенія.

Глава I.

Рабочій классъ до освобожденія крестьянъ. Освобожденіе крестьянъ и возникновеніе революціоннаго соціализма въ Россіи. Революціонеры-народники.

Современное международное соціалистическое рабочее движеніе сложилось изъ двухъ теченій, долгое время развивавшихся независимо одно отъ другого. Съ одной стороны мы видимъ борьбу наемныхъ рабочихъ съ фабрикантами, борьбу за болѣе короткій рабочій день, за высшую заработную плату, за улучшеніе условій труда или противъ ухудшенія этихъ условій. Эта борьба возникаетъ повсюду, гдѣ только распространился наемный трудъ на капиталиста: триста, четыреста и болѣе лѣтъ тому назадъ ее вели ремесленные подмастерья въ городахъ Западной Европы: ее ведутъ и теперь рабочіе въ самыхъ отсталыхъ странахъ, напримѣръ, въ Китаѣ. Эта борьба возникаетъ самопроизвольно, стихійно, всякій разъ, какъ обычныя условія жизни рабочаго испытываютъ сильное ухудшеніе, всякій разъ, какъ усиливается эксплуатація капитала.

Формы этой борьбы измѣняются съ теченіемъ времени. Начавъ съ бурныхъ бунтовъ, сопровождаемыхъ поджогами, грабежами и убійствами, которыми онъ мститъ за свои страданія, рабочій классъ мало по малу переходитъ къ спокойной, хладнокровно расчитанной, а потому и болѣе успѣшной стачечной борьбѣ. Вмѣсто того, чтобы разрушать машины, которыя сокращаютъ спросъ на рабочія руки, рабочіе стараются добиться ограниченія рабочаго дня, повышенія заработной платы, вмѣшательства закона въ фабричные порядки. Создаются постоянные союзы, разрозненная борьба рабочихъ въ отдѣльныхъ городахъ замѣняется организованной борьбой цѣлой отрасли промышленности. Но какъ бы ни мѣнялись формы этой экономической борьбы, ея общимъ признакомъ является то, что при ней рабочіе не поднимаютъ вопроса объ общихъ условіяхъ, которыя создаютъ нищету рабочихъ и заставляютъ ихъ вести борьбу за кусокъ хлѣба. Такъ, напримѣръ, рабочіе борятся за высшую заработную плату, но не за то, чтобы измѣнить тотъ общественный порядокъ, при которомъ трудящіеся за свой трудъ получаютъ вообще *плату*, вмѣсто того, чтобы пользоваться плодами своего труда, не удѣляя изъ нихъ львиную долю празднымъ трутнямъ.

Иными словами, рабочіе стараются выгоднѣе продать свой единственный товаръ—рабочую силу, не думая добиваться того, чтобы рабочая сила вообще перестала быть товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ.

Въ то же время среди высшихъ классовъ общества, обладающихъ большей образованностью, возникаетъ другое движенье. Нищета пролетаріата, его страданія и его волненія привлекаютъ къ себѣ вниманіе буржуазной интеллигенціи. Поэты говорятъ о его бѣдствіяхъ, люди съ добрымъ сердцемъ пытаются помочь его нуждѣ разными частичными мѣрами. Но рядомъ съ этими буржуазными филантропами, которые лѣчатъ общественныя страданія грошевыми средствами, появляются отдѣльные мыслители и дѣятели, которые всѣ свои знанія и дарованія посвящаютъ тому, чтобы выяснить причины нищеты и пути къ полному ея уничтоженію. Этихъ людей съ свѣтлымъ умомъ и горячимъ сердцемъ буржуазія отталкиваетъ своей черствостью, жестокостью и нравственной тупостью; они не могутъ увѣровать въ то, что лучшій строй на землѣ тотъ, при которомъ милліоны людей должны вѣчно голодать, чтобы дать возможность кучкѣ толстокожихъ буржуа удовлетворять всѣ прихоти, а ихъ пресыщеннымъ сыновьямъ умирать отъ скуки. Наблюденія надъ существующимъ общественнымъ строемъ привели наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ мыслителей къ идеѣ *соціализма*, который долженъ замѣнить современный порядокъ, чтобы обезпечить всему человѣчеству свободу и счастье.

Такимъ образомъ, идея соціализма возникла впервые не среди рабочихъ массъ, а въ кабинетахъ ученыхъ, вышедшихъ изъ среды буржуазіи. Образованный англійскій фабрикантъ Робертъ Овенъ, французскій дворянинъ С. Симонъ и купецъ Фурье были первыми соціалистами въ началѣ этого вѣка. Они рѣзко выступили противъ общества, раздѣленнаго на капиталистовъ и пролетаріевъ; они требовали такого строя, при которомъ орудія труда и земля принадлежали бы объединеннымъ работникамъ. Но для осуществленія этихъ требованій первые соціалистическіе мыслители обращались не къ народу, а къ самимъ капиталистамъ и къ государямъ. Будучи сердцемъ на сторонѣ народа, они въ то же время смотрѣли на народъ глазами буржуазіи, видя въ рабочихъ темную массу, не понимающую своей пользы. Зато они вѣрили, что ихъ страстная проповѣдь лучшаго общественнаго строя убѣдитъ богатыхъ и правителей отказаться отъ эксплуатаціи и угнетенія народа, Но капиталисты и цари не выражали никакого желанія добровольно отказаться отъ богатствъ и власти, и великіе мыслители-соціали-

сты умирали одинокими, мало извѣстными народу, а буржуазія смотрѣла на нихъ, какъ на опасныхъ чудаковъ. Ученія социалистовъ остались извѣстны небольшому кругу ихъ учениковъ изъ той же образованной буржуазіи, и чѣмъ болѣе росли страданія рабочаго народа, тѣмъ болѣе лучшіе и честнѣйшіе изъ буржуазныхъ интеллигентовъ прислушивались къ этимъ ученіямъ, и мало по малу измѣнялся характеръ соціализма. Вмѣсто того, чтобы разсчитывать на доброе сердце капиталистовъ, соціалисты стали стремиться достигнуть своей цѣли революціоннымъ путемъ, *вопреки* господствующимъ классамъ.

Но все еще они стояли въ сторонѣ отъ рабочихъ массъ. Они устраивали тайныя общества, заговоры, разсчитывая внезапнымъ нападеніемъ овладѣть общественной властью, чтобы совершить соціальный переворотъ. По прежнему соціалисты смотрѣли на народъ, какъ на слѣпую темную массу и брали на свои слабыя плечи задачу облагодѣтельствовать народъ. Подъ тяжестью этой задачи погибло не мало благородныхъ людей: революціонные заговорщики гибли на эшафотахъ и въ тюрьмахъ. Но дѣло соціализма не гибло.

На встрѣчу этой волнѣ шла другая, болѣе жизненная. По мѣрѣ усиленія экономической борьбы, рабочій классъ пересталъ быть безсознательной массой. Опытъ борьбы развилъ его самосознаніе и поставилъ передъ нимъ вопросы болѣе широкіе, чѣмъ вопросъ о рабочемъ днѣ и заработной платѣ. Рабочіе стали интересоваться политическими вопросами, знакомиться съ той литературой, которая обсуждала недостатки капиталистическаго строя. Первоначально только отдѣльныя единицы изъ пролетаріата вступали на этотъ путь. Они сближались съ революціонерами-заговорщиками, входили въ ихъ общества, гибли вмѣстѣ съ ними на баррикадахъ и въ тюрьмахъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе рабочихъ вступало въ ряды революціонныхъ борцовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся и характеръ революціонныхъ обществъ: они принимали болѣе опредѣленный *рабочій* характеръ. Изъ среды рабочихъ выходили уже не только рядовые, но и вожаки; на ряду съ учеными изъ буржуазной среды въ соціалистической литературѣ выступали вышедшіе изъ рабочаго класса писатели (Прудонъ, Леру во Франціи, портной Вейтлингъ въ Германіи). Долгое время рабочіе соціалисты продолжали идти по пути, проложенному революціонерами изъ буржуазной среды, но съ теченіемъ времени соціализмъ сталъ *классовымъ* дѣломъ пролетаріата. Вмѣсто вѣры въ переворотъ, произведенный кучкой заговорщиковъ, явилось убѣжденіе въ томъ,

что только самъ рабочій классъ можетъ освободиться отъ гнета капитала; вмѣсто сектантской проповѣди въ тѣсномъ кругу избранныхъ, явилась широкая пропаганда среди рабочихъ массъ. Соціализмъ приблизился къ экономическому движенію рабочаго класса, онъ взялъ на себя задачу стать выразителемъ общихъ интересовъ этого классового движенія. А вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочее движеніе приблизилось къ соціализму: рабочія массы стали видѣть въ соціализмѣ конечную цѣль своего историческаго движенія. Такимъ образомъ, произошло сліяніе практическаго рабочаго движенія съ теоретической мыслью, осуществился, по выраженію Лассаля, союзъ науки съ рабочими: идея соціализма стала идеей рабочаго класса, соціалистическая партія стала его передовымъ отрядомъ.

Такъ дѣло происходило во всѣхъ странахъ. Говоря объ исторіи русскаго революціоннаго движенія, мы также должны прослѣдить какъ развитіе экономической борьбы рабочихъ массъ, такъ и развитіе соціалистической мысли до того момента, когда она стала удѣломъ пролетаріата.

Экономическую борьбу рабочихъ противъ хозяевъ мы встрѣчаемъ въ Россіи еще задолго до того, какъ пало крѣпостное право. Въ то время промышленность была еще очень мало развита въ Россіи; переработка продуктовъ большей частью производилась сельскими ремесленниками и господскими дворовыми. Только нѣкоторыя производства — суконное, писчебумажное, полотняное, механическое, велись въ крупныхъ, фабричныхъ размѣрахъ, преимущественно на фабрикахъ и заводахъ, принадлежавшихъ дворянамъ-помѣщикамъ, да еще въ Московско-Владимірскомъ округѣ быстро развивалось хлопчатобумажное производство. И вотъ, на дворянскихъ фабрикахъ, гдѣ работали либо кабальные (посессіонные) рабочіе, либо отпущенные на оброкъ крѣпостные, нерѣдко происходили стачки и безпорядки, вызванные тяжелыми условіями труда. Болѣе 100 лѣтъ назадъ, въ 1796 г., происходили волненія фабричныхъ рабочихъ въ Казани, въ 1797 въ Московской губ., въ 1798 и въ 1800 опять въ Казани, въ 1806 въ Московской губ. и въ Ярославлѣ, въ 1811 въ Тамбовской губ., въ 1814 въ Калужской, въ 1815 въ Ярославлѣ, въ 1816 въ Петербургской губ., въ 1817 опять въ Ярославлѣ и Казани, въ 1818 въ Ярославлѣ, въ 1819 въ Казани, въ 1821 въ Воронежской и Калужской губ., въ 1823 во Владимірской и Московской губ. и въ Ярославлѣ, въ 1829 въ Казани, въ 1834 въ Казани и Московской губ., въ 1836 въ Казани, въ 1837 въ Тульской губ., въ 1844 въ Московской и въ 1851 въ

Воронежской губ.*) Борьба велась за сокращеніе рабочаго дня, за увеличеніе заработной платы, противъ расплаты товарами и другихъ мошенническихъ пріемовъ, до которыхъ благородные дворяне были падки не менѣе неблагородныхъ купцовъ. Нерѣдко крѣпостные рабочіе требовали отъ правительства освобожденія отъ крѣпостного ига. Эта борьба велась при страшно тяжелыхъ условіяхъ: съ рабочими расправлялись варварски, ссылая на поселеніе или каторгу наиболѣе „упорствующихъ“, а иногда засѣкая ихъ на смерть. Нужно было много героизма, чтобы при такихъ условіяхъ бороться съ могущественными фабрикантами-дворянами, и русскіе рабочіе, дѣйствительно, проявили въ этой борьбѣ великое мужество. Несмотря на варварскія наказанія, рабочіе иногда по цѣлымъ десятилѣтіямъ отправляли въ Петербургъ выборныхъ къ царю съ жалобой на своихъ мучителей. Этихъ выборныхъ арестовывали, наказывали плетьми, ссылали; а, глядишь, черезъ годъ, два, рабочіе той-же фабрики опять посылаютъ выборныхъ.. Иногда (очень рѣдко) имъ удавалось упорной настойчивостью добиться отъ правительства обузданія эксплуататора.

Такимъ образомъ, еще въ первой половинѣ нашего вѣка русскіе фабричные стали считаться классомъ опаснымъ для общественнаго порядка, т. е. для спокойствія высшихъ классовъ. Въ 1845 г. изданъ былъ первый законъ, устанавляющій наказанія за стачки. Когда въ 1848 г. по всей Европѣ пронеслась буря революціи, правительство Николая I встревожилось и съ безпокойствомъ стало смотрѣть на скопленіе въ большихъ городахъ массы рабочихъ. Московскій генералъ-губернаторъ Закревскій представилъ царю записку, въ которой, указывая на то, что въ Москвѣ однихъ фабричныхъ 36.000, заявилъ: „для охраненія тишины и благоденствія, которыми въ настоящее время наслаждается одна Россія, правительство не должно допускать скопленія бездомныхъ и безнравственныхъ людей, которые легко пристаютъ къ каждому движенію, разрушающему общественное или частное спокойствіе.“ Поэтому, Закревскій предлагалъ воспретить строить въ Москвѣ новыя фабрики, но это предложеніе вызвало ропотъ фабрикантовъ, и дѣло кончилось ничѣмъ. Для политическаго движенія „безнравственныхъ“ рабочихъ еще не настало время. При господствѣ крѣпостного права мракъ невѣжества окутывалъ народныя массы; образованіе составляло удѣлъ почти однихъ только дворянъ, которые не имѣли повода быть недовольными существующимъ порядкомъ.

*) Не говоримъ о многочисленныхъ волненіяхъ уральскихъ горнорабочихъ, влачившихъ по истинѣ каторжное существованіе.

Необходимость заставила само самодержавное правительство начать ломку этого порядка. Пораженіе Россіи въ Крымской войнѣ (1854-1856 гг.) показало правительству и дворянству, что Россія, если не хочетъ подчиниться другимъ госуарствамъ, должна преобразоваться на европейскій ладъ — развить промышленность и торговлю. А для этого надо было прежде всего освободить крестьянство отъ крѣпостного права, что и было произведено 19 февраля 1861 г. Въ короткое время Россія покрылась желѣзными дорогами и фабриками, быстро стали расти города, привлекая тысячи рабочихъ для строительныхъ и фабричныхъ работъ. У капиталистовъ не было теперь недостатка въ рабочихъ: правительство, отрѣзавъ у крестьянъ милліоны десятинъ лучшей земли въ награду за освобожденіе, содѣйствовало образованію многочисленнаго пролетаріата. Гнетъ помѣщиковъ и кулаковъ, неимовѣрныя подати — все способствовало тому, что съ каждымъ годомъ новыя и новыя тысячи крестьянъ забрасывали свое хозяйство и устремлялись въ города. Рядомъ съ дворянами, стали подниматься, быстро богатѣть и пріобрѣтать силу и власть капиталисты-фабриканты, подрядчики, хлѣбные торговцы, строители желѣзныхъ дорогъ, банкиры.

А рядомъ съ этой крупной буржуазіей въ городахъ множился новый классъ, такъ называемая разночинская интеллигенція. При крѣпостномъ правѣ образованіе было доступно почти исключительно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ и ростомъ торговли и промышленности, явился обширный спросъ на образованныхъ служащихъ. Такіе служащіе нужны были для коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій и для земскихъ учрежденій, созданныхъ въ 1866 г., соотвѣтственно нуждамъ новаго строя. При развитіи торговой и городской жизни усиливается потребность во врачахъ, адвокатахъ, литераторахъ, учителяхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, когда послѣ паденія крѣпостного права стало дышать въ Россіи легче прежняго, во всѣхъ низшихъ классахъ явилось стремленіе къ образованію, вмѣстѣ съ надеждой на то, что образованіе проложитъ дорогу къ высшему положенію. Такимъ образомъ, сыновья дьячковъ, мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и торговцевъ стали пріобрѣтать образованіе и выползать на поверхность общества.

Эта выбившаяся собственными усиліями и способностями интеллигенція выставила первыхъ борцовъ современнаго революціоннаго движенія въ Россіи. Интеллигенты-разночинцы смотрѣли на народъ не такъ, какъ бары дворяне, они больше умѣли понимать рабочаго человѣка и сочувствовать его страданіямъ. Въ сво

очередь было много причинъ, чтобы эта интеллигенція стала недовольна существующимъ строемъ. Она не могла мириться съ такими порядками, при которыхъ дворянское происхожденіе, богатство и чинъ даютъ все, а знаніе — ничего. Больше, чѣмъ кто другой, эти разночинцы-интеллигенты чувствовали невыносимый произволъ полиціи и чиновниковъ, самовластно управляющихъ Россіей. Отыскивая заработокъ въ качествѣ учителя, врача, адвоката или литератора, интеллигентъ видитъ, что бѣдность и неразвитость народныхъ массъ мѣшаетъ его собственному благосостоянію, такъ какъ голодный и темный мужикъ не можетъ платить ни учителю, ни врачу, ни адвокату, ни писателю, хотя всѣ эти дѣятели ему нужны. А такъ какъ современное правительство препятствуетъ всѣми силами народу развиваться и такъ какъ оно высасываетъ соки изъ крестьянства и раззоряетъ его и такъ какъ при существующемъ строѣ интеллигенція не можетъ шага сдѣлать, чтобы не столкнуться съ грубой и наглой полицейской опекой, то и не удивительно, что разночинская интеллигенція въ теченіе уже 40 лѣтъ не перестаетъ волноваться и выражать неудовольствіе существующимъ строемъ.

Большинство интеллигенціи не идетъ далѣе легкаго ворчанія на существующіе порядки и правительственныя безобразія: боязнь за собственную шкуру и цѣлость доходовъ не позволяетъ большинству этихъ либеральныхъ адвокатовъ, врачей и т. п. интеллигентовъ вступить въ прямую борьбу съ самодержавіемъ, которое такъ дико расправляется со своими врагами. Но нѣкоторая часть интеллигенціи, преимущественно небогатая студенческая молодежь, не успѣвшая еще развратиться въ буржуазномъ обществѣ и промѣнять жажду свободы на болѣе или менѣе жирный кусокъ, доставила дѣлу русской революціи не мало честныхъ борцовъ.

Въ этой-то средѣ радикальной интеллигенціи зародилось въ 60-хъ годахъ впервые соціалистическое движеніе. То было время освобожденія крестьянъ. Люди, преданные интересамъ народа, видѣли, какъ правительство Александра II ограбило крестьянство въ пользу помѣщиковъ, отнимая отъ него лучшую землю и назначая за нее высокій выкупъ. Примѣръ западно-европейскихъ странъ показывалъ, какое новое рабство ожидаетъ обезземеленныхъ крестьянъ съ развитіемъ промышленности, и въ то-же время ученія французскихъ и англійскихъ соціалистовъ указывали исходъ изъ бѣдственнаго положенія трудящихся массъ. Часть революціонной интеллигенціи не ограничилась борьбой противъ самодержавія, но усвоила себѣ ученіе соціализма. Геніальный писатель Н. Г. Чернышевскій, замученный вскорѣ русскимъ правительствомъ въ тундрахъ Сибири, доказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ преимущества соціалистическаго строя. Революціонная молодежь слѣдила за дѣятельностью Лассаля въ Германіи и за развитіемъ знаменитаго Международнаго Общества Рабочихъ („Интернаціонала“), основаннаго въ 1864 г. Понятія первыхъ русскихъ соціалистовъ о томъ, какъ достигнуть торжества соціалистической революціи, были еще очень туманны, и неудивительно, такъ какъ они брели ощупью безъ всякаго опыта.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ интеллигенція устраивала воскресныя школы для просвѣщенія низшихъ классовъ населенія. Въ этихъ школахъ въ роли учителей выступили, между прочимъ, нѣкоторые студенты медико-хирургической Академіи, которые въ цѣляхъ пропаганды соціализма знакомились въ школахъ съ рабочими. Студенты Хохряковъ, Романенко и другіе были первыми жертвами дѣла пропаганды среди рабочихъ.

Въ 1869 г. въ Петербургѣ образовалось соціалистическое общество, прозванное кружкомъ Чайковцевъ, по имени одного изъ членовъ, Н. Чайковскаго. Въ составъ этого кружка вошло нѣсколько лицъ, которымъ впослѣдствіи пришлось стать мучениками революціоннаго дѣла (напр. Софья Перовская). Чайковцы повели пропаганду среди рабочихъ, для чего, кромѣ нелегальной литературы, пользовались и легальной, издавая и распространяя популярныя книжки. Однако, Чайковцы, какъ и всѣ тогдашніе революціонеры, не считали пропаганду среди рабочихъ важнѣйшимъ своимъ дѣломъ. Напротивъ, главныя свои усилія они желали направить на пропаганду среди крестьянскаго населенія. Отчасти такое предпочтеніе объясняется тѣмъ, что въ ту пору количество фабричныхъ рабочихъ было еще очень мало сравнительно съ массой крестьянскаго населенія, да и сами рабочіе были въ значительной степени крестьяне. Если и теперь еще не малая часть городскихъ рабочихъ не совсѣмъ порвала связи съ деревней и имѣетъ тамъ какое ни на есть грошовое хозяйство, то 30 лѣтъ назадъ такихъ было множество и, когда разбились цѣпи крѣпостного рабства, среди этихъ на половину оторвавшихся отъ земли крестьянъ усилилось желаніе вернуться въ деревню, вкусить плодовъ свободнаго труда: вѣдь жизнь еще не показала, что эти плоды чуть-ли не горче крѣпостныхъ! Да и въ самой промышленности въ то время не царила еще крупная фабрика, но сильно были распространены домашніе (кустарные) промыслы, при которыхъ обыкновенно рабочіе ведутъ соб-

ственное земледѣльческое хозяйство, а, главное, по своему облику и понятіямъ остаются все тѣми-же сѣрыми мужиками. Но была еще другая причина, по которой революціонеры 70-хъ годовъ считали пропаганду среди крестьянства главной своей задачей. Дѣло въ томъ, что они считали русское крестьянство наиболѣе революціонной частью народа, наиболѣе способной воспринять ученія соціализма. Такой взглядъ у русскихъ революціонеровъ объясняется тѣмъ, что въ то время только еще недавно прекратилось крѣпостное право, подъ гнетомъ котораго, можно сказать, по всей Россіи крестьяне находились въ вѣчной борьбѣ со своими эксплуататорами-дворянами. Эта борьба часто принимала видъ бунтовъ и возстаній, сопровождаемыхъ нерѣдко убійствомъ господина или его управителя, и въ этой вѣковой борьбѣ среди крѣпостного крестьянства развилось чувство солидарности: они привыкли „міромъ" отстаивать свои общіе интересы противъ ненасытныхъ господъ. Это то обстоятельство и внушало революціонерамъ 70-хъ годовъ надежду на то, что крестьяне, которые послѣ освобожденія стали терпѣть отъ гнета налоговъ и малоземелья, послушаютъ ихъ призыва и начнутъ революціонную борьбу противъ новыхъ господъ-эксплуататоровъ всякаго званія и состоянія, помѣщиковъ и кулаковъ, чиновниковъ и поповъ. А изъ того обстоятельства, что въ деревнѣ еще было мало различія между богатыми и бѣдными и существовало общинное владѣніе землей, революціонеры дѣлали выводъ, что большинство крестьянъ легко будетъ увлечь на сторону соціалистическихъ идей. Но это были ошибочныя надежды. Пока крѣпостное право связывало всѣхъ крестьянъ, принадлежащихъ одному господину, общностью угнетенія и рабской доли, до тѣхъ поръ, дѣйствительно, крестьянскій міръ держался сплоченно и согласно. Но когда крѣпостное право пало, крестьянство стало быстро разъединяться и распадаться на классы съ неодинаковыми интересами Прежде у крестьянина не было особенно сильнаго стремленія выдвинуться изъ массы своихъ однообщественниковъ, такъ какъ чѣмъ крестьянинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе бралъ съ него помѣщикъ; мало того, сами помѣщики обыкновенно старались, чтобы среди крестьянъ богатѣи не возвышались черезчуръ надъ бѣднотой, такъ какъ въ интересѣ помѣщика было, чтобы крестьяне были всѣ на одинаковомъ уровнѣ, не слишкомъ богаты, но и не нищіе: вѣдь крестьянинъ обрабатывалъ землю помѣщика своимъ скотомъ и орудіями.

Такимъ образомъ, при крѣпостномъ правѣ не было въ деревнѣ мѣста глубокому различію между богатыми и бѣдными. Теперь же

напротивъ, каждый сталъ стремиться выплыть наверхъ, общественный строй началъ разъединять крестьянъ, а не сплачивать ихъ. Съ 60-хъ годовъ Россія стала покрываться желѣзными дорогами, на крестьянскій хлѣбъ появился значительный спросъ, хлѣбъ сталъ товаромъ, т. е. продуктомъ, который производится не для собственнаго потребленія, а для продажи. А взамѣнъ увозимаго желѣзными дорогами хлѣба, въ деревню ввозили дешевые фабричные товары, которые быстро вытѣснили изъ крестьянскаго обихода доморощенныя крестьянскія издѣлія. При крѣпостномъ правѣ главныя повинности крестьянинъ платилъ натурой: хлѣбомъ или работой; теперь какъ государственные, земскіе и мірскіе налоги, такъ и выкупные платежи ему пришлось платить деньгами. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ получалъ землю для пропитанія подъ условіемъ работы на барина; теперь ему оставили ничтожный надѣлъ, обремененный платежами, а недостающую землю приходилось арендовать, т. е. опять платить деньги. Но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и ростомъ хлѣбныхъ цѣнъ страшно поднялась цѣна на землю и арендная плата. И вотъ, для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей — на покупку невѣдомыхъ прежде городскихъ товаровъ, для уплаты громадныхъ податей и выкупа, для уплаты аренды — для всего этого крестьянинъ долженъ былъ добыть денегъ. Развилось сильное соперничество въ арендѣ земли, и арендная плата, благодаря этому, еще болѣе повысилась, а арендная земля, понятно, доставалась болѣе зажиточному мужику, бѣднякъ же или получалъ землю изъ третьихъ рукъ въ три дорога, платя за нее болѣе, чѣмъ могъ получить отъ урожая, впадалъ въ долги и закабалялся кулаку, чтобы, въ концѣ концовъ разориться совершенно; либо добывалъ деньги наемнымъ трудомъ, становился наполовину хозяиномъ, наполовину наемникомъ. Деньги, проникая въ деревню, разъединяли ее, обогащая однихъ, превращая въ пролетаріевъ другихъ. Рознь и соперничество воцарялись въ деревнѣ и въ то же время деревенская бѣднота не легко могла понять причины своихъ новыхъ бѣдствій. При крѣпостномъ правѣ крестьянинъ видѣлъ ясно, кто его врагъ, кто его эксплуатируетъ: этотъ врагъ былъ тутъ же жившій баринъ, котораго кормилъ подневольный мужицкій трудъ. Теперь не то: плоды крестьянскаго труда стали уходить тысячью путями куда-то за тридевять земель отъ его деревни и крестьянинъ и не догадывался, что онъ трудится для того, чтобы въ С.-Петербургѣ или Москвѣ строились пышные дома и основывались банки съ милліонными капиталами, чтобы проводились желѣзныя дороги, развивающія торговлю и

промышленность и дающія богатому новыя орудія для порабощенія неимущаго. Поэтому крестьяне только недоумѣвали, видя, что съ освобожденіемъ отъ рабства не кончились ихъ мученія; чтобы понять причины новыхъ бѣдствій, требовалось уже извѣстное умственное развитіе, пониманіе новыхъ экономическихъ условій; но умственнаго развитія было всего менѣе въ крестьянскомъ населеніи. Сначала русскіе революціонеры-интеллигенты, называвшіе себя народниками, думали путемъ тайной пропаганды развить самосознаніе крестьянъ и разъяснить имъ сущность новыхъ цѣпей. Но тутъ-то и оказалось, что деревня наихудшее мѣсто для тайной пропаганды; въ деревнѣ, живущей изъ года въ годъ по заведенному порядку, всякій новый человѣкъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, его дѣятельность на виду у всѣхъ, всякій необычный его шагъ сейчасъ становится извѣстенъ всей деревнѣ. Попытки цѣлыхъ тысячъ интеллигентовъ въ началѣ 70-хъ годовъ понести въ деревню свѣтъ революціонной мысли потерпѣли полную неудачу. Стоило только правительству усилить полицейскій надзоръ, и масса пропагандистовъ попала въ его руки, не успѣвъ пустить корней въ крестьянскихъ массахъ. Въ 1873-74 гг. всѣ россійскія тюрьмы переполнились арестованными революціонерами.

Эта неудача пропаганды вызвала среди народниковъ стремленіе къ перемѣнѣ тактики. Среди революціонеровъ стало одерживать верхъ „бунтарское" направленіе, пытавшееся вызвать повсемѣстные крестьянскіе бунты, въ видѣ отказа платить подати, аренду и т. п., для чего предполагали пользоваться всякими поводами къ неудовольствію среди сельскаго населенія и раздувать его. Народники-бунтари такъ вѣрили въ революціонный духъ русскаго крестьянства, что считали очень легкимъ дѣломъ возбудить такіе бунты и слить ихъ въ общее возстаніе крестьянъ. Ну, а потомъ... потомъ разсуждали народники, когда повсюду народъ будетъ въ возстаніи, а власти въ смятеніи, намъ нетрудно будетъ въ короткое время столковаться съ народомъ объ организаціи новаго общественнаго строя на началахъ равенства и братства, которыя, какъ вѣрили народники, милы всему крестьянству. Иначе говоря, нетрудно будетъ обратить общій крестьянскій бунтъ въ соціальную революцію. То, что западно-европейскіе соціалисты подготовляли упорной работой десятилѣтій, усердной пропагандой и развитіемъ самосознанія народныхъ массъ, русскіе соціалисты-народники думали достигнуть однимъ ударомъ, разбудить въ крестьянахъ старое пламя ненависти къ „господишкамъ" и якобы дремлющее въ нихъ безсознательное стремленіе къ соціалистическимъ

идеаламъ. Нечего и говорить, что русскіе соціалисты обнаружили въ этомъ случаѣ чисто юношеское непониманіе того, что понятія и чувства милліоновъ людей не мѣняются въ одинъ мигъ, что только настойчивая послѣдовательная революціонная просвѣтительная работа можетъ вытравить изъ народнаго сознанія всѣ предразсудки и рабскія понятія, воспитанныя вѣковымъ гнетомъ и подготовить его къ великому соціальному перевороту. Опытъ показалъ, что народники заблуждались и относительно готовности мужика къ протесту противъ эксплуатаціи и угнетенія: самоотверженная дѣятельность революціонеровъ 70-хъ годовъ не смогла вызвать серьезныхъ крестьянскихъ бунтовъ и сами же крестьяне помогали иногда ловить агитаторовъ.

Такимъ образомъ, полной неудачей окончилось народническое революціонное движеніе. Это движеніе заполнило собой 70-е годы и привлекло къ себѣ вниманіе всей страны. И, дѣйствительно, въ немъ было много необычайнаго, много героическаго. Тысячи юношей и дѣвушекъ бросали свои семьи, отказывались отъ жизни въ буржуазномъ кругу и уходили въ „народъ", учась физическому труду и становясь мастеровыми, земледѣльцами или чернорабочими, чтобы приблизиться къ сѣрой народной массѣ и завоевать ея довѣріе. Никогда до тѣхъ поръ русскіе средніе классы не выпускали изъ своей среды такой массы истинно преданныхъ народу людей и нѣтъ сомнѣнія, что и впредь въ исторіи русской „интеллигенціи" не будетъ такихъ блестящихъ страницъ. Историческія условія обрекли это героическое движеніе на неудачу. Та крестьянская масса, къ которой обращались народники, не была еще подготовлена исторіей для движенія, въ которое ее хотѣли вовлечь: втянутая въ условія современнаго капиталистическаго строя, она все еще жила мыслями и чувствами въ прошломъ, страшась новыхъ идей и стремленій, уповая во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ все на ту же царскую милость, отъ которой народъ ожидалъ прежде прекращенія крѣпостного рабства.

Глава II.

Рабочіе кружки и организаціи 70-хъ годовъ. Зачатки самостоятельнаго пролетарскаго движенія. Южнорусскій рабочій союзъ 1875 года. Сѣвернорусскій рабочій союзъ и его программа.

Если народникамъ не удалось добиться успѣха въ томъ, что они считали главнымъ своимъ дѣломъ, то ихъ усилія оказались

отнюдь не безплодными, когда были посвящаемы дѣлу побочному, пропагандѣ среди рабочихъ.

Хотя народники стремились прежде всего работать въ деревнѣ, все же обстоятельства заставляли ихъ обращать часть своихъ силъ на пропаганду въ городѣ, такъ какъ большинство интеллигентовъ волей неволей должно было жить въ городахъ. Многіе изъ народниковъ поступали въ мастерскія, чтобы изучить какое-нибудь ремесло, которое дало бы имъ возможность жить въ деревнѣ. Такимъ образомъ, завязывались знакомства между революціонерами и городскими рабочими, и революціонеры вербовали среди послѣднихъ приверженцевъ своего дѣла. Обыкновенно, народники имѣли при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, выработать изъ городскихъ рабочихъ товарищей, которые могли бы успѣшнѣе, чѣмъ интеллигенты, дѣйствовать въ деревнѣ. Но успѣхъ пропаганды среди рабочихъ заставилъ скоро многихъ народниковъ смотрѣть на это дѣло какъ достаточно важное само по себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, — въ то время, какъ въ деревнѣ всѣ старанія агитаторовъ разбивались о невѣжество и забитость крестьянъ и они не могли справиться съ полицейскимъ надзоромъ,—въ городахъ, напротивъ того, прогаганда встрѣчала успѣхъ и, вопреки ухищреніямъ полиціи, не переставала расширяться. Такимъ образомъ, все еще продолжая видѣть главную опору революціи въ крестьянствѣ, многіе народники на дѣлѣ работали преимущественно надъ пробужденіемъ самосознанія въ городскомъ пролетаріатѣ. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ образовались рабочіе кружки самообразованія и тайныя кассы. Кромѣ упомянутаго выше кружка Чайковцевъ, въ этомъ направленіи дѣйствовалъ еще (преимущестенно на югѣ) кружокъ Долгушина; въ Москвѣ-же, Тулѣ и Владимірской губерніи — кружокъ Софьи Бардиной, включавшій въ себя много энергичныхъ борцовъ. Въ 1875 году въ южныхъ городахъ, главнымъ образомъ въ Одессѣ, образовалась первая обширная рабочая организація подъ именемъ „Южно-русскій рабочій союзъ“, но она продержалась недолго, такъ какъ арестъ ея руководителя Заславскаго (въ 1875 г.) и другихъ членовъ повелъ къ распаденію союза.

Къ этому времени изъ среды рабочихъ выдѣлилось уже не мало вполнѣ сознательныхъ революціонеровъ, вступившихъ въ ряды соціалистической партіи. Среди революціонеровъ, томившихся въ тюрьмахъ въ 1874-1877 гг., было много рабочихъ, судебные процессы этого времени, которые велись съ неслыханной жестокостью, создали первыхъ мучениковъ революціоннаго дѣла изъ фабричнаго пролетаріата (слесарь Малиновскій, осужденный сенатомъ на каторгу, ткачъ П. Алексѣевъ, по Московскому дѣлу 1877 г., сосланъ на 6 лѣтъ каторжныхъ работъ; точно также на каторгу пошли рабочіе Тефтуи и Союзовъ по процессу 193 въ 1877-1878 гг.)

Въ 1876 г. петербургскіе рабочіе кружки задумали устроить первую *открытую* пробу своихъ силъ. Предположено было въ день 6-го декабря собраться на Казанской площади, развернуть красное знамя и устроить демонстративное шествіе по городу. Сходка, дѣйствительно, состоялась, была произнесена революціонная рѣчь, развернуто красное знамя, но, въ общемъ, демонстрація не удалась, повидимому потому, что собралось менѣе рабочихъ, чѣмъ разсчитывали организаторы. На демонстрантовъ напала полиція и разогнала съ обычной въ такихъ случаяхъ грубостью. Нѣсколько человѣкъ, замѣченныхъ на сходкѣ, были арестованы и, вопреки закону, приговорены къ многолѣтней каторгѣ, якобы за попытку къ возстанію.

Въ 1875 г. въ Женевѣ (Швейцарія) была основана первая русская рабочая газета („Работникъ“), ставившая себѣ цѣлью содѣйствовать дѣлу пропаганды среди рабочихъ. Такъ, несмотря на всѣ народническіе предразсудки, ходъ вещей все болѣе выдвигалъ на первый планъ русскій пролетаріатъ, какъ дѣйствительно революціонную силу.

Между тѣмъ, появились признаки, показывающіе, что рабочіе начинаютъ смотрѣть иначе на задачи революціоннаго движенія, чѣмъ народники-интеллигенты.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы упоминали, главной своей задачей народники въ половинѣ 70-хъ годовъ стали считать возбужденіе общаго крестьянскаго возстанія противъ существующаго строя, которое должно было начаться въ видѣ повсемѣстныхъ бунтовъ на почвѣ столкновенія крестьянъ съ помѣщиками, кулаками и казной, а затѣмъ, подъ вліяніемъ революціонной организаціи, принять характеръ соціальнаго движенія, направленнаго на *немедленное* переустройство общественныхъ порядковъ на основѣ равенства и братства.

Въ такомъ именно родѣ высказывались о своихъ цѣляхъ революціонеры-интеллигенты, представшіе передъ судомъ въ крупныхъ процессахъ 1877 г. Но рядомъ съ ними въ одномъ изъ этихъ процессовъ выступилъ ткачъ Петръ Алексѣевъ, который въ своей блестящей рѣчи выдвинулъ на первый планъ задачу борьбы съ самодержавіемъ. Изобразивъ гнетъ, нависшій надъ рабочимъ людомъ послѣ освобожденія отъ крѣпостного ига, и гнусную роль самодер-

жавнаго правительства, поддерживающаго этотъ гнетъ, Петръ Алексѣевъ кончилъ свою рѣчь пророческими словами о томъ, что „рабочій классъ въ союзѣ съ революціонерами изъ среды интеллигенціи подниметъ, наконецъ, свою мускулистую руку и ярмо самодержавія, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!“

Въ этихъ словахъ можно видѣть еще безсознательное признаніе того обстоятельства, что первой задачей революціоннаго движенія должно быть именно устраненіе самодержавія, какъ перваго препятствія на пути развитія рабочаго дѣла. Съ полной ясностью эта мысль около того-же времени была выражена южно-русскими рабочими.

На судѣ по дѣлу „Южно-русскаго рабочаго союза“ было прочитано въ числѣ прочихъ пріобщенныхъ къ дѣлу документовъ, интересное письмо южно-русскихъ рабочихъ къ сѣвернымъ товарищамъ. Въ этомъ письмѣ южно-русскіе рабочіе прямо и категорически заявляли, что, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ прежде всего направить силы на достиженіе политической свободы; только тогда будетъ успѣшна дѣятельность, имѣющая въ виду соціальный переворотъ. Высказавъ такое мнѣніе, южно-русскіе рабочіе стараются доказать сѣвернымъ товарищамъ, что такое выдвиганіе борьбы за политическую свободу не является измѣной соціалистическому дѣлу. Не думайте, говорятъ они, что мы отказываемся отъ великой конечной цѣли — переустройства всего общественнаго строя и перехода орудій труда въ руки трудящихся; мы только считаемъ, что этой цѣли всего легче добиться уже по завоеваніи политической свободы.

Въ это время, когда это письмо было написано (около 1875 г.), такое мнѣніе было еще совершенной ересью для большинства русскихъ соціалистовъ. Самое письмо было отвѣтомъ на упреки сѣверныхъ рабочихъ, раздѣлявшихъ обычное мнѣніе народниковъ, которые выступали *противъ* политической борьбы. Само собой разумѣется, что народники вовсе не были сторонниками самодержавія; напротивъ, они его смертельно ненавидѣли. Но они думали, что соціалистамъ не слѣдуетъ бороться съ самодержавіемъ для утвержденія парламентскаго строя, по образу западно-европейскихъ странъ, что если приложить всѣ усилія для достиженія этой цѣли, Россія только отдалится отъ торжества соціализма, а не приблизится къ нему, такъ какъ, дескать, при парламентскомъ строѣ русская буржуазія и дворянство первые успѣютъ воспользоваться политическими правами и, конечно, воспользуются ими для укрѣпленія и развитія своей силы во вредъ трудящимся массамъ, кото-

рымъ, такимъ образомъ, станетъ еще труднѣе борьба съ высшими классами. При политической свободѣ — разсуждали народники — буржуазія избавится отъ дорого стоющей и стѣснительной чиновничьей опеки, въ ея руки попадутъ всѣ плоды эксплуатаціи народа казной — плоды, львиная доля которыхъ достается теперь чиновникамъ; забравъ всецѣло въ свои руки государственную власть, буржуазія сумѣетъ быстро двинуть впередъ промышленное развитіе Россіи, которая, такимъ образомъ, неизбѣжно превратится въ страну съ десятками милліоновъ пролетаріата на мѣсто теперешнихъ крестьянъ-собственниковъ. Разсуждая такимъ образомъ, народники-революціонеры естественно приходили къ тому выводу, что необходимо добиваться *немедленно* народнаго возстанія для торжества соціализма; сверженіе чиновничьяго гнета, по ихъ мнѣнію, тогда только пойдетъ на пользу народа, когда, вмѣстѣ съ самодержавіемъ, падетъ и капиталистическій строй, и народъ, овладѣвъ землей и орудіями труда, организуетъ строй соціалистическій. Мы видимъ, слѣдовательно, что народники-революціонеры не считали возможнымъ для народа воспользоваться политической свободой и политическими правами для развитія *своей* силы и для болѣе успѣшной борьбы съ буржуазіей. Такое недовѣріе къ свободному политическому строю можно отчасти объяснить у народниковъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время въ Западной Европѣ рабочій классъ далеко еще не научился пользоваться политической свободой такъ, какъ онъ это дѣлаетъ теперь. Не было тогда тѣхъ могучихъ рабочихъ партій, которыя нынѣ въ западно-европейскихъ странахъ имѣютъ многочисленныхъ представителей въ парламентахъ и городскихъ думахъ. Участіе рабочихъ въ политической жизни парламентскихъ странъ тогда еще только начиналось и далеко не всѣ соціалисты даже на Западѣ были увѣрены въ томъ, что этимъ путемъ пролетаріатъ можетъ добиться улучшенія своего положенія; напротивъ, среди рабочихъ многихъ странъ сильно было въ ту пору анархистское теченіе, отрицающее политическую борьбу и пользованіе политическими правами и призывающее къ немедленному насильственному возстанію для уничтоженія капитализма. Къ этому анархистскому теченію пристали и русскіе соціалисты-народники. Напротивъ, члены Южно-русскаго рабочаго союза, какъ мы видѣли, по своимъ взглядамъ на пути революціоннаго движенія, приближались къ современной международной соціальдемократіи, которая признаетъ насущнѣйшей задачей рабочаго движенія достиженіе возможно болѣе широкой политической свободы и умѣлое пользованіе политическими правами, какъ не-

обходимое условіе для развитія силы пролетаріата и подготовленія его къ соціальному перевороту.

Это соціальдемократическое теченіе, такъ рѣзко выдѣляющее членовъ Южно-русскаго союза рабочихъ изъ массы тогдашнихъ русскихъ соціалистовъ и навлекшее на нихъ упреки въ забвеніи конечныхъ цѣлей движенія, не прекратилось съ уничтоженіемъ Южно-русскаго союза. И отъ упрековъ подобнаго рода снова пришлось защищаться рабочимъ-соціалистамъ, на этотъ разъ уже петербургскимъ. Въ 1878 г. рабочіе кружки въ Петербургѣ особенно укрѣпились, стали подумывать объ устройствѣ типографіи и изданіи собственной газеты и выдвинули изъ своей среды самую замѣчательную личность русскаго рабочаго движенія, столяра Степана Халтурина. Подъ руководствомъ Халтурина, человѣка энергичнаго, весьма умнаго и развитого, петербургскіе рабочіе кружки объединились и на тайныхъ собраніяхъ 23 и 30 декабря 1878 г. организовали „Сѣверно-русскій рабочій союзъ“. Этотъ союзъ издалъ въ январѣ 1879 г. „Воззваніе къ русскимъ рабочимъ“, излагающее его программу. Союзъ, сказано въ воззваніи, стремится объединить разрозненныя силы городскихъ и сельскихъ рабочихъ, содѣйствовать развитію ихъ самосознанія и оказывать имъ содѣйствіе въ борьбѣ противъ соціальнаго безправія*). „Сѣверно-русскій рабочій союзъ“ сказано далѣе, „тѣсно связанный въ своихъ задачахъ съ западно-европейскими соціальдемократическими партіями, выставляетъ слѣдующую программу:

1) Уничтоженіе существующаго политическаго и экономическаго строя.

2) Основаніе вольнаго народнаго союза (федераціи) общинъ на основѣ полнаго равноправія при полномъ внутреннемъ самоуправленіи.

3) Отмѣна частной собственности на землю и замѣна ея общиннымъ землевладѣніемъ.

4) Организація рабочихъ ассоціацій, передача всѣхъ средствъ производства и орудій труда въ руки производителей“.

Вслѣдъ за изложеніемъ этихъ соціалистическихъ цѣлей, Сѣверно-русскій рабочій союзъ тутъ-же заявляетъ, что прежде всего онъ стремится добиться политической свободы; поэтому онъ выставляетъ слѣдующія ближайшія требованія: 1) свобода печати и слова, 2) свобода собраній и союзовъ, 3) отмѣна тайной полиціи и преслѣдованій за политическую дѣятельность, 4) отмѣна сословныхъ правъ и привиллегій, 5) уменьшеніе постояннаго войска или же его полная замѣна всеобщимъ народнымъ вооруженіемъ, 6) всеобщее безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ, 7) право сельскихъ обществъ свободно завѣдывать своими дѣлами, 8) отмѣна паспортовъ, 9) отмѣна косвенныхъ налоговъ (на предметы потребленія) и замѣна ихъ прямымъ налогомъ на доходы и наслѣдства, 10) ограниченіе числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ и заводахъ и запрещеніе дѣтской работы, 11) основаніе производительныхъ артелей и товарищескихъ кассъ съ безпроцентнымъ кредитомъ отъ казны.

*) Не имѣя подъ рукой воззванія и „письма“ Союза, мы цитируемъ по статьѣ П. Лаврова о русскомъ революціонномъ движеніи, напечатанной въ нѣмецкомъ соціалистическомъ журналѣ 1880 г. („Ежегодникъ соціальныхъ наукъ“.)

Такова эта замѣчательная программа, впервые провозглашенная русскимъ рабочимъ (по Уставу членами Сѣверно-русскаго рабочаго союза могли быть только рабочіе). Эта программа во многомъ совпадаетъ съ программой западно-европейскихъ рабочихъ партій. Если мы находимъ въ ней излишнее довѣріе къ артелямъ, отъ которыхъ рабочіе ждали серьезнаго улучшенія своего положенія, то такую же вѣру въ ассоціаціи раздѣляли въ то время и многіе западно-европейскіе соціалисты. Даже наиболѣе передовая германская соціальдемократія въ то время сохраняла въ своей программѣ требованіе государственной помощи артелямъ. Теперь уже опытъ многихъ ассоціацій на Западѣ показалъ, что, пока господствуетъ капитализмъ, артели въ лучшемъ случаѣ помогутъ небольшому числу рабочихъ, не принося пользы всему пролетаріату въ цѣломъ. Соціальдемократическая рабочая партія, отстаивающая *общіе* интересы пролетаріата, тогда только можетъ брать на себя отстаиваніе интересовъ отдѣльныхъ группъ рабочаго класса, когда эти отдѣльные интересы не противорѣчатъ общимъ интересамъ всѣхъ рабочихъ. Между тѣмъ опытомъ доказано, что при современномъ строѣ процвѣтающія артели въ концѣ концовъ начинаютъ нанимать работниковъ и обращаться въ артели мелкихъ эксплуататоровъ. А рабочему классу въ цѣломъ можетъ принести только вредъ такой переходъ цѣлыхъ группъ искусныхъ рабочихъ въ ряды мелкихъ капиталистовъ. Конечно, дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія должно ввести въ эту программу еще нѣкоторые пункты, не предусмотрѣнные дѣятелями 1879 г., какъ напримѣръ требованіе законовъ въ пользу кустарныхъ рабочихъ, въ пользу сельско-хозяйственныхъ работниковъ и т. д. Точно также дальнѣйшее развитіе движенія при-

вело бы къ тому, что Союзъ разъяснилъ бы одинъ пунктъ, остающійся темнымъ въ его программѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ числѣ ближайшихъ требованій мы встрѣчаемъ такія, какъ свободу печати, свободу собраній и пр., т. е. рядъ политическихъ реформъ. Кто же обезпечитъ народу дѣйствительное пользованіе этими политическими вольностями? Что ручается намъ за то, что эти политическія права не останутся на бумагѣ, что чиновники не будутъ распускать неудобныя для правительства собранія, закрывать рабочія газеты, высылать — вопреки закону — борцовъ рабочаго дѣла? Вѣдь именно такія нарушенія политическихъ правъ народа происходятъ во многихъ западно-европейскихъ странахъ. И народъ успѣваетъ отражать такія нападенія на свои права только тамъ, гдѣ въ его рукахъ имѣется средство вліять на самое государственное управленіе, тамъ, гдѣ дѣятельность правительства и его чиновниковъ подчинена контролю народныхъ представителей. И чѣмъ этотъ контроль дѣйствительнѣе, чѣмъ шире права народныхъ представителей, тѣмъ безпрепятственнѣе можетъ народъ пользоваться всѣми своими правами. Поэтому и рабочія партіи всѣхъ странъ въ своихъ программахъ политическихъ требованій на первомъ мѣстѣ ставятъ требованіе всеобщаго избирательнаго права при выборѣ въ парламентъ и полнаго подчиненія этому парламенту всѣхъ правительственныхъ органовъ. Поэтому отсутствіе въ программѣ С.-Р. рабочаго союза требованія замѣны самодержавнаго правленія правленіемъ народныхъ представителей является большимъ пробѣломъ. Тѣмъ не менѣе, эта программа являлась большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ программой народниковъ, такъ какъ она рѣшительно выставляла необходимость борьбы прежде всего за политическія права. Сторонникамъ народнической программы этотъ шагъ показался отреченіемъ „Союза“ отъ соціалистической революціи. Въ отвѣтъ на посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ упреки этого рода Союзъ отвѣчалъ письмомъ въ редакцію тогдашней революціонной газеты „Земля и Воля“ (апр. 1879 г.), въ которомъ заявилъ*), что въ его программѣ съ умысломъ соединены соціалистическія требованія съ политическими, такъ какъ опытъ исторіи показалъ, что политическая свобода всегда предшествуетъ соціальному перевороту; что необходимо добиться извѣстныхъ правъ, которыя оградили бы самое существованіе и развитіе рабочихъ организацій,

*) Содержаніе „письма“ излагаемъ по той же нѣмецкой статьѣ Лаврова.

стремящихся къ соціальному перевороту. „Наша ближайшая цѣль“, говорится далѣе, „организовать рабочія силы и указать надлежащее поле дѣятельности; поэтому, для насъ не имѣютъ никакого особеннаго значенія различія во мнѣніяхъ о характерѣ соціалистической дѣятельности, направленной къ общей цѣли. Нашъ планъ дѣятельности таковъ: наша работа будетъ носить характеръ пропаганды и мирной агитаціи и будетъ направлена на привлеченіе рабочихъ и крестьянъ. Однако, изъ своей практической программы мы не исключаемъ и болѣе или менѣе открытую борьбу, равно какъ и участіе въ стачкахъ и агитацію во время ихъ. Мы должны пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы проявить нашу силу“.

Итакъ, пропаганда и агитація среди рабочихъ и крестьянскихъ массъ, пользованіе стачками для цѣлей агитаціи — все это для вовлеченія массъ прежде всего въ борьбу за политическія права — таковъ былъ планъ дѣятельности С.-Р. рабочаго союза. Напротивъ того, народники-революціонеры, какъ мы видѣли, ставили своей задачей возбужденіе народныхъ бунтовъ для того, чтобы объединить ихъ въ общее народное возстаніе, которое должно немедленно повести къ соціальной революціи. Очевидно, члены „Союза“ гораздо трезвѣе оцѣнивали дѣйствительныя условія своей дѣятельности и гораздо правильнѣе понимали задачи движенія. Естественно спросить: почему русскіе революціонеры-интеллигенты такъ уклонились отъ пути западно-европейскаго соціалистическаго движенія, тогда какъ русскіе рабочіе, только что вступившіе на путь революціонной борьбы, съ самаго начала проявили стремленіе стать на вѣрную дорогу? Вѣдь нельзя сомнѣваться, что среди революціонеровъ-народниковъ было не мало выдающихся по уму и таланту личностей и, во всякомъ случаѣ, они владѣли большими знаніями и опытомъ, чѣмъ предводители петербургскихъ рабочихъ. Какъ, при такихъ условіяхъ, послѣдніе могли оказаться болѣе зрѣлыми въ политическомъ отношеніи? Причина этого, на первый взглядъ страннаго различія коренится всецѣло въ томъ, что члены Сѣверно-русскаго рабочаго союза смотрѣли на задачи революціоннаго движенія съ точки зрѣнія городского пролетаріата, а народники — съ точки зрѣнія крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рабочіе ясно видѣли, что, добившись политической свободы и политическихъ правъ, они получатъ могучее орудіе для развитія своей организаціи и своего классового самосознанія. То, что при подпольной нелегальной дѣятельности, достигалось съ громадными усиліями въ теченіе долгаго времени, будетъ

выполняться сравнительно легко, когда работа будетъ совершаться открыто и безъ тѣхъ препятствій, которыя нынѣ на каждомъ шагу ставитъ полицейскій строй.

Не такъ разсуждали народники, смотрѣвшіе глазами крестьянъ. Крестьянинъ живетъ въ совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ городской рабочій. Допустимъ, что народомъ будетъ завоевана политическая свобода. Все-таки крестьянину будетъ крайне трудно вести борьбу за свои интересы съ высшими классами. Даже при политической свободѣ крестьянинъ во всемъ будетъ зависѣть экономически отъ кулака, отъ помѣщика, отъ богатаго односельчанина. Онъ получитъ право выбирать на извѣстную должность кого угодно, но если онъ не захочетъ избрать того, кого ему укажетъ помѣщикъ или кулакъ, этотъ послѣдній не дастъ ему земли въ аренду или выгона, онъ будетъ тѣснить крестьянина на каждомъ шагу и раззоритъ его. То же самое грозитъ крестьянину, если онъ задумаетъ, пользуясь своимъ правомъ, соединяться съ сосѣдями въ союзъ для защиты общихъ интересовъ или для своего политическаго развитія; если онъ будетъ выписывать и распространять революціонныя газеты. Но, могутъ намъ отвѣтить, вѣдь и городской пролетарій экономически зависитъ отъ капиталиста и послѣдній можетъ точно также стѣснять свободу рабочаго. Конечно, да; но эта зависимость ослабляется, во-первыхъ, тѣмъ, что городской рабочій, не привязанный хозяйствомъ къ одному мѣсту, можетъ мѣнять своего хозяина, во-вторыхъ, тѣмъ, что условія городской жизни раздѣляютъ буржуа отъ пролетарія, такъ что первый не легко можетъ и услѣдить за тѣмъ, что дѣлаетъ внѣ фабрики рабочій. Поэтому съ давленіемъ капиталистовъ европейскіе рабочіе какъ ни какъ справляются. Крестьянинъ же, по рукамъ и ногамъ скованный своей землишкой, не можетъ перемѣнить по произволу мѣста жительства, не можетъ замѣнить одного эксплуататора другимъ, нѣтъ, онъ вынужденъ волей неволей уживаться съ тѣмъ кровопійцей, котораго судьба посадила рядомъ съ нимъ и который, по условіямъ деревенской жизни, видитъ, какъ на ладони, всю дѣятельность и всѣ помышленія крестьянина. Далѣе, городскіе рабочіе собраны десятками тысячъ въ одномъ центрѣ, крестьяне, наоборотъ, разсѣяны малыми кучками по деревнямъ, живущимъ каждая своей обособленной жизнью. Наконецъ, именно въ городахъ сосредоточивается политическая жизнь государства: здѣсь находятся органы государственнаго управленія, здѣсь издаются газеты. Въ городахъ рабочіе легко могутъ контролировать дѣятельность своихъ выборныхъ въ парламентѣ или земскомъ соб-

раніи. Въ захолустной деревнѣ крестьянинъ не имѣетъ такой возможности слѣдить непосредственно за ходомъ политической жизни и, естественно, не легко пріучается придавать значеніе „политикѣ". Неудивительно, поэтому, что и въ свободныхъ странахъ Зап. Европы крестьяне далеко отстаютъ отъ городского пролетаріата въ политическомъ развитіи, мало дорожатъ политическими правами и политической свободой, которыми — при современныхъ условіяхъ — имъ не приходится пользоваться въ полной мѣрѣ. Передовые петербургскіе рабочіе, очевидно, разсуждали, что если рабочему классу удастся завоевать политическую свободу и политическія права, ему не придется сожалѣть о потраченныхъ усиліяхъ, такъ какъ каждымъ новымъ правомъ онъ съумѣетъ воспользоваться для улучшенія своего положенія, для усиленія своихъ организацій, для развитія своего классового самосознанія и, стало быть, для ускоренія наступленія соціальной революціи. А народники разсуждали такъ: если народное движеніе приведетъ къ паденію самодержавія и къ установленію свободнаго политическаго строя, то свободой прежде всего воспользуются зажиточные и образованные классы, иначе говоря, буржуазія и буржуазная интеллигенція, которые избавятся отъ теперешней чиновничьей опеки. Крестьяне же, по указаннымъ выше причинамъ, не смогутъ оказывать постоянное вліяніе на политическую жизнь такъ, чтобы она считалась съ ихъ интересами. А при такихъ условіяхъ политическая свобода только облегчитъ дальнѣйшее развитіе капитализма, при которомъ неизбѣжно милліоны нынѣшнихъ крестьянъ-собственниковъ станутъ пролетаріями. Поэтому, заключали народники, надо стремиться не къ замѣнѣ самодержавія свободнымъ политическимъ строемъ, а къ немедленному осуществленію соціальнаго переворота для немедленной передачи всей земли въ собственность крестьянскихъ общинъ. Только такая революція будетъ въ интересахъ крестьянъ, при измѣненіи же только политической формы они смѣнятъ однихъ господъ другими.

Но почему же народники не допускали, что политической свободой воспользуется не одна буржуазія, но и рабочій классъ? Очевидно, потому, что они низко цѣнили русскій пролетаріатъ, считали его ничтожнымъ и слабымъ, не видѣли въ немъ будущей самостоятельной революціонной силы, смотрѣли, какъ на простой придатокъ къ крестьянской массѣ, столь-же безпомощный, какъ и она.

Но жестокій опытъ показалъ народникамъ, что русское крестьянство нельзя поднять на возстаніе противъ существующаго строя.

Жизнь заставляла народниковъ измѣнять свои взгляды. Прежде, чѣмъ говорить о наступившей перемѣнѣ, вернемся къ рабочему движенію второй половины 70-хъ годовъ.

Оживленіе рабочей пропаганды въ 1875-1878 годахъ соотвѣтствовало общему возбужденію русскаго пролетаріата. Въ это время русская промышленность переживала періодъ застоя. Причина этого застоя коренилась въ самой сущности современнаго капиталистическаго производства, которое ведется безъ общаго плана, не въ интересахъ народныхъ массъ, а въ интересахъ барыша капиталистовъ. Въ теченіе ряда лѣтъ строятся новыя фабрики, расширяются старыя, производство продуктовъ сильно увеличивается, — чтобы затѣмъ оказался избытокъ товаровъ надъ тѣмъ количествомъ, которое можетъ купить населеніе. Сбытъ товаровъ затрудняется, часть фабрикантовъ раззоряется, другіе сокращаютъ производство, а рабочій въ это время испытываетъ всю тяжесть безработицы. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Съ 1868 по 1874 г. было проложено нѣсколько тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ; постройка вызвала громадный спросъ на рельсы, вагоны и прочіе матеріалы, равно какъ и на продукты потребленія массы рабочихъ, занятыхъ при постройкѣ. Такимъ образомъ, разныя отрасли промышленности испытали оживленіе, и фабрики привлекли массы новыхъ раззоренныхъ крестьянъ, окончательно забросившихъ свое грошевое хозяйство въ деревнѣ. За 10 лѣтъ (1865-1875) на постройку желѣзныхъ дорогъ было затрачено болѣе 1500 милліоновъ рублей. Съ 1875 года постройка желѣзныхъ дорогъ сократилась, уменьшились, слѣдовательно, заказы заводамъ, спросъ на руду, на предметы, потребляемые рабочими. Быстрое сокращеніе спроса, вызванное нуждой безработныхъ, въ свою очередь ведетъ къ усиленію кризиса, къ еще большему стѣсненію производства, къ еще болѣе острой безработицѣ. А такъ какъ при кризисѣ каждый фабрикантъ стремится избавиться отъ раззоренія всѣми правдами и неправдами, а на улицахъ въ это время толпятся тысячи людей, готовыхъ принять работу на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, то немудрено, что время кризисовъ является наиболѣе богатымъ попытками фабрикантовъ ухудшить положеніе рабочихъ ниже обычнаго уровня. Такимъ образомъ кризисы сопровождаются обостреніемъ взаимныхъ отношеній пролетаріата съ буржуазіей.

Дѣйствительно, во второй половинѣ 70-хъ годовъ во многихъ мѣстахъ Россіи происходили фабричныя волненія, вызванныя прижимками хозяевъ. Въ происходившихъ при этомъ стачкахъ, рабочіе-соціалисты принимали дѣятельное участіе, становясь во главѣ стачечниковъ. Особенно крупны по размѣрамъ были стачки на прядильныхъ фабрикахъ въ С.-Петербургѣ (Новой, Шоу, Максвеля и др.) въ теченіе 1878 года. Петербургскія стачки 1878 года подготовили образованіе Сѣверно-русскаго рабочаго союза, и мы видѣли, что союзъ придавалъ уже значеніе пользованію стачками, какъ агитаціоннымъ средствомъ.

Внѣ Петербурга рабочіе точно также находились въ возбужденномъ настроеніи. Во всѣхъ городахъ скопилась масса безработныхъ, раздраженныхъ голоданіемъ. 2-го апрѣля 1879 г. незначительное столкновеніе рабочихъ съ полиціей въ Ростовѣ-на-Дону вызвало тамъ настоящій бунтъ. Рабочіе вторгались въ полицейскія учрежденія, уничтожали всѣ бумаги, принудили власти бѣжать изъ города. Бунтъ былъ подавленъ только военной силой, присланной изъ Таганрога и Новочеркаска. Въ Одессѣ въ іюлѣ 1878 г. толпы рабочихъ приняли участіе въ демонстраціи, произведенной революціонерами во время разбирательства въ военномъ судѣ дѣла о соціалистѣ Ковальскомъ, обвинявшемся въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи. Въ эти дни Одесса была на военномъ положеніи, масса войскъ охраняла зданіе суда. Несмотря на это, толпы рабочихъ и другихъ демонстрантовъ собрались на улицахъ и когда узнали, что Ковальскій приговоренъ къ смертной казни, произошло бурное столкновеніе толпы съ полиціей и войсками; были убитые и раненые.

Въ 1879 г. возстановился Южно-русскій рабочій союзъ, имѣвшій свою типографію и работавшій преимущественно въ Одессѣ и Кіевѣ до 1882 года.

Съ 1879 по 1881 годъ въ промышленности вновь наступило оживленіе; фабриканты бросились на перебой удовлетворять возросшему спросу, расширяли свое производство, чтобы наверстать потерянные убытки. Многія предпріятія давали въ эти годы по 40, 50, даже по 70 процентовъ прибыли на капиталъ. Какъ водится, капиталисты хватили черезъ край. Въ 1879 г. хлопчатобумажные фабриканты поставили около одного милліона новыхъ веретенъ, тогда какъ все число ихъ до тѣхъ поръ не превышало 3½ милліоновъ. Расхлебывать кашу пришлось опять рабочимъ. Уже въ 1882 г. обнаружилось перепроизводство товаровъ. Новый кризисъ, новая безработица. Кризисъ сильно обострился страшнымъ неурожаемъ 1881 года. Но къ этому времени русское революціонное движеніе стояло уже на новомъ пути и его судьба оказала вліяніе и на движеніе рабочаго класса.

Глава III.

Народники переходятъ къ политической борьбѣ. Партія Народной Воли. Терроръ и его вліяніе на рабочее движеніе. Кризисъ начала 80-хъ годовъ и волненія городскихъ и сельскихъ рабочихъ.

Неудача революціонной пропаганды въ деревнѣ наглядно показала народникамъ, что самодержавное правительство является главнымъ препятствіемъ на пути къ народному освобожденію. Но, какъ мы видѣли, народники ошибочно думали, что политическая свобода при существующемъ классовомъ устройствѣ общества поведетъ только къ усиленію буржуазіи, они не знали, что политическая свобода можетъ стать могучимъ орудіемъ въ рукахъ организованныхъ народныхъ массъ. Поэтому, отчаявшись вызвать всенародное возстаніе для торжества соціализма, народники не могли придти къ тому, чтобы организовать народныя массы для борьбы за необходимѣйшія политическія права. Вмѣсто того является мысль — силами небольшой, но крѣпко сплоченной партіи низвергнуть путемъ тайнаго заговора самодержавіе, чтобы, ставъ на его мѣсто, призвать крестьянство къ возстанію противъ буржуазіи и помѣщиковъ подъ знаменемъ соціальной революціи. Поэтому, отказываясь отъ старой программы, народники продолжали вѣрить, что русское крестьянство вполнѣ готово къ совершенію соціалистической революціи. Стоитъ только устранить царя съ его чиновничествомъ и самимъ стать на ихъ мѣсто, — и дѣло соціальной революціи выиграно. Революціонное правительство созоветъ Земскій Соборъ, и короткаго времени будетъ достаточно соціалистамъ, чтобы столковаться съ крестьянами, которые, вѣдь, (такъ продолжали вѣрить народники) расположены къ равенству и братству.

Такимъ образомъ, оставаясь на старой народнической точкѣ зрѣнія, русскіе революціонеры коренны́мъ образомъ измѣняли свою практическую дѣятельность; на мѣсто обращенія къ народу и попытокъ вызвать возстаніе стала борьба кучки заговорщиковъ противъ вождей азіатскаго правительства. На этотъ путь толкало революціонеровъ само правительство своей безсовѣстной травлей соціалистовъ. Варварство жандармовъ по отношенію къ захваченнымъ агитаторамъ, невѣроятно суровые приговоры сената, ничѣмъ не оправдываемыя высылки тысячъ просто подозрительныхъ лицъ, долголѣтнее заключеніе въ тюрьмахъ до суда, — все это крайне ожесточало соціалистовъ. Кое-гдѣ при арестахъ народниковъ стали происходить формальныя сраженія съ полиціей; соціалисты защищались съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы успѣть сжечь неудобные документы или скрыться. Явилась мысль пользоваться такими столкновеніями, какъ своего рода средствомъ привлечь къ революціонерамъ вниманіе общества. Вооруженное сопротивленіе превращалось въ гласный протестъ противъ самодержавія. Въ свою очередь самодержавіе отвѣчало висѣлицами, приговаривая къ смертной казни всѣхъ, кто оказывалъ вооруженное сопротивленіе. (И. Ковальскій, Чубаровъ — въ Одессѣ, Брантнеръ, Осинскій — въ Кіевѣ, офицеръ Дубровинъ — въ Старой Руссѣ). Взаимное раздраженіе усиливалось. Въ разныхъ мѣстахъ соціалисты убивали шпіоновъ, причемъ эти убійства имѣли значеніе не только средства самообороны, но и протеста противъ гнусныхъ пріемовъ полицейской борьбы съ революціей. Изъ сферы правительственныхъ дѣятелей, уполномоченныхъ раздавить революцію, нѣкоторые выдвинулись особенною подлостью и жестокостью. Противъ нихъ стало направляться мщеніе революціонеровъ.

Въ январѣ 1878 г. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ петербургскаго градоначальника Трепова и, будучи арестована, объявила, что мститъ за безчеловѣчное истязаніе, произведенное въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, по его приказу надъ политическимъ арестантомъ Боголюбовымъ. Такъ какъ не было найдено уликъ принадлежности Засуличъ къ революціонной партіи, то ее предали суду присяжныхъ за покушеніе на убійство. Вся петербургская публика отъ рабочихъ до аристократіи отнеслась къ Засуличъ съ полнымъ сочувствіемъ; варварство грубаго солдата Трепова вызвало противъ него всеобщее негодованіе. Присяжные оправдали Засуличъ, и это оправданіе было встрѣчено публикой съ восторгомъ. Когда жандармы хотѣли арестовать Засуличъ на улицѣ, по выходѣ изъ суда (чтобы, конечно, сослать ее уже помимо судебнаго разбирательства), публика отстояла оправданную, причемъ въ уличной свалкѣ было убито полиціей два человѣка.

Такой результатъ покушенія Вѣры Засуличъ могъ только укрѣпить въ революціонномъ лагерѣ склонность къ борьбѣ путемъ террора (устрашенія). Сочувствіе, вызванное покушеніемъ среди публики, внушало надежду, что рядомъ такихъ кровавыхъ протестовъ со стороны революціонеровъ можно будетъ произвести въ народѣ то волненіе, котораго не удалось достигнуть подпольной пропагандой. Въ теченіе 1878 и 1879 годовъ отдѣльныя лица и кружки произвели покушенія на жизнь нѣкоторыхъ правительственныхъ дѣятелей. Были убиты: — харьковскій губернаторъ Крапоткинъ, кіевскій жандармскій адъютантъ Гейкингъ, шефъ жандармовъ Ме-

зенцевъ. Но, идя по этому пути, неизбѣжно надо было придти къ тому, что устранить слѣдуетъ самую главу правительства. 2-го апрѣля 1879 года бывшій учитель Соловьевъ выстрѣлилъ въ Александра II. Еще раньше въ Николаевѣ матросъ Логовенко съ нѣсколькими товарищами подготовлялъ покушеніе на жизнь царя.

Соловьевъ былъ казненъ, но онъ проложилъ дорогу. Самая сильная народническая организація „Земля и Воля" рѣшила перейти къ новой формѣ дѣятельности — къ террористической борьбѣ съ цѣлью расшатать правительство и захватить власть. Меньшинство народниковъ осталось на прежней точкѣ зрѣнія и образовало партію „Черный Передѣлъ", которая, однако, ничѣмъ особеннымъ себя не проявила.

Партія политическаго заговора приняла лѣтомъ 1879 года названіе партіи „Народной Воли". Геройскіе подвиги партіи прославили ея имя по всему міру. Въ теченіе 1879, 1880, 1881 годовъ партія „Народной Воли" произвела рядъ покушеній на жизнь императора Александра II, закончившійся знаменитымъ днемъ 1-го марта 1881 г., когда приговоръ Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли" былъ исполненъ, и царь палъ отъ взрыва бомбы, брошенной Игнатіемъ Гриневецкимъ.

Организація этихъ покушеній стоила партіи громадныхъ, порой нечеловѣческихъ усилій. Въ то время, какъ напуганное правительство чрезвычайно усилило бдительность своей полиціи, когда города кишѣли шпіонами, и одно неосторожное слово подчасъ подводило мирнаго обывателя подъ тяжкія непріятности, — въ это время нѣсколько энергичныхъ людей дѣятельно работали надъ исполненіемъ трудныхъ предпріятій, чтобы добраться до тирана, загородившагося стѣной штыковъ отъ „своего" народа. Царь заперся во дворцѣ — революціонеры проникли во дворецъ и произвели въ немъ довольно основательный взрывъ, къ несчастью, стоившій жизни многимъ безвинно-погибшимъ солдатамъ.

Партія „Народной Воли" отнюдь не хотѣла ограничивать своей дѣятельности однимъ только подготовленіемъ и исполненіемъ покушеній. Народовольцы, какъ мы знаемъ, расчитывали своимъ терроромъ вызвать суматоху въ правительственныхъ кругахъ и волненіе въ народѣ, чтобы тѣмъ и другимъ воспользоваться *для захвата власти.*

Для успѣха этого плана они считали нужнымъ какъ можно шире *вести агитацію* среди тѣхъ группъ населенія, которыя до сихъ поръ проявляли сочувствіе революціонному дѣлу. Этими группами были интеллигенція, главнымъ образомъ, студенческая, и город-

скіе рабочіе. Въ программѣ, изданной Исполнительнымъ Комитетомъ партіи „Народной Воли", указывается на важное значеніе агитаціи среди рабочихъ, которые смогутъ поддержать партію во время ея рѣшительной схватки съ правительствомъ. Какъ остроумно замѣтилъ впослѣдствіи Плехановъ, народовольцы разсуждали не о томъ, нужна ли рабочимъ революція, а о томъ, нужны ли рабочіе для успѣха революціи, которую партія представляла себѣ въ видѣ политическаго заговора. Агитація среди рабочихъ являлась только однимъ изъ средствъ для обезпеченія успѣха главной дѣятельности партіи — террористической борьбы съ самодержавіемъ. Поэтому агитаціи среди рабочихъ народовольцы придавали меньше значенія, чѣмъ, напримѣръ, пропагандѣ въ войскахъ, которыя они особенно желали привлечь на свою сторону.

Это, однако, было бы еще съ полъ бѣды, если бы только народовольцы могли посвятить рабочему дѣлу достаточно силъ. Въ такомъ случаѣ благодарное дѣло само переросло бы указанные программой предѣлы и рабочее движеніе выступило бы на первый планъ. Но въ томъ то и бѣда, что главное дѣло народовольцевъ — террористическая борьба — сдѣлало невозможнымъ широкое веденіе рабочаго дѣла.

Правда, народовольцы старались сдѣлать все возможное, чтобы развивать это дѣло. Люди, занятые подготовленіемъ крайне трудныхъ покушеній, люди, которымъ въ случаѣ ареста грозила смертная казнь, находили время посвящать часть своихъ трудовъ рабочему дѣлу. Такъ Андрей Желябовъ, главный организаторъ покушенія 1-го марта и другихъ покушеній, редактировалъ „Рабочую Газету", которая издавалась въ Петербургѣ въ 1880-1881 г., а Геся Гельфманъ, на квартирѣ у которой подготовлялось дѣло 1-го марта, занималась распространеніемъ газеты въ рабочихъ кварталахъ. Народовольцы создавали новые рабочіе кружки, заведи рабочую типографію. Но въ то же время они сами другой рукой затрудняли развитіе рабочаго дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ только на первый планъ выступила террористическая борьба, условія всякой революціонной дѣятельности стали отчаянно-затруднительными. Полицейскія строгости по всей Россіи, особенно же въ большихъ городахъ, усилились до небывалыхъ размѣровъ. Человѣку, слегка замѣченному въ „неблагонадежности", было почти невозможно работать въ революціонномъ дѣлѣ. Требовалась чрезвычайная конспиративность и ловкость и, надо сказать, что террористы достигли, дѣйствительно, замѣчательнаго искусства въ этомъ отношеніи. Но что было возможно для

немногихъ террористовъ, то оказывалось тогда немыслимымъ для членовъ рабочихъ организацій и кружковъ. Чтобы постоянно мѣнять паспорта, чтобы всегда имѣть надежныя убѣжища для укрывательства отъ полиціи и квартиры для сходокъ, чтобы отводить полиціи глаза, одѣваясь богато и ведя образъ жизни буржуа, для всего этого нужны были громадныя денежныя средства, которыя и тратились партіей „Народной Воли". Но для тѣхъ, кто велъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ, подобныя затраты были недоступны, и они оказывались гораздо менѣе огражденными отъ набѣговъ полиціи. А въ то же время террористы могли вести строго замкнутую жизнь, не вступая въ сношенія съ лицами, не посвященными въ дѣло; члены же рабочихъ организацій и пропагандисты по самому характеру своего дѣла должны были сообщаться съ такими людьми, съ массой, чтобы въ ней вербовать своихъ приверженцевъ. Поэтому въ то время, какъ заговорщики-террористы, не смотря на полицейскую травлю, успѣвали все-таки приводить въ исполненіе свои планы, прочіе революціонеры, посвящающіе себя дѣлу пропаганды и агитаціи, на каждомъ шагу встрѣчали непреодолимыя для нихъ препятствія, падали жертвой шпіоновъ и подстрекателей, арестовались и высылались сотнями. Все это сильно тормозило рабочее дѣло и, что всего хуже, отвлекало отъ него наиболѣе энергичныхъ борцовъ. Если ужъ гибнуть, то, по крайней мѣрѣ, за такое дѣло, которое обѣщаетъ скорую побѣду,— такъ стали разсуждать многіе революціонеры, а между тѣмъ, каждое покушеніе террористовъ производило въ обществѣ страшное волненіе, наводило ужасъ на правительство и внушало его врагамъ самыя смѣлыя надежды. Все болѣе и болѣе революціонеровъ покидало пропагандистскую и агитаціонную работу, чтобы принять участіе въ покушеніяхъ. Исполнительный-же Комитетъ все болѣе и болѣе нуждался въ новыхъ силахъ, чтобы вести террористическую борьбу въ широкихъ размѣрахъ. Такъ мало по малу самые энергичные и самоотверженные изъ дѣятелей рабочихъ организацій вступали въ ряды террористовъ. Халтуринъ, сначала негодовавшій на то, что террористическая борьба только мѣшаетъ дѣятельности Сѣверно-русскаго рабочаго союза, впослѣдствіи самъ заразился общимъ увлеченіемъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ. Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года былъ дѣломъ его геройскихъ усилій. Въ мартѣ 1882 г. Халтуринъ принялъ участіе въ убійствѣ военнаго прокурора Стрѣльникова (въ Одессѣ), разгромившаго Южно-русскій союзъ. Арестованный на мѣстѣ, Халтуринъ былъ повѣ-

шенъ прежде, чѣмъ полиціи удалось узнать, кого она захватила.

Въ покушеніи 18 ноября 1879 года подъ Александровскомъ, рядомъ съ Желябовымъ, въ числѣ участниковъ покушенія стоятъ рабочіе Прѣсняковъ (казненный), Тихоновъ, Окладскій и Хрущовъ. Лѣтомъ 1880 г. партія организовала рядъ неудавшихся покушеній въ Петербургѣ и Одессѣ: въ нихъ опять встрѣчаемъ рабочихъ Макара Тетерку и Василія Меркулова. Тѣ-же лица приняли участіе въ подготовленіи покушенія 1-го марта, а вмѣстѣ съ ними и Тимофей Михайловъ (казненный), котораго прокуроръ Муравьевъ, нынѣшній министръ юстиціи, назвалъ на судѣ „апостоломъ петербургскихъ рабочихъ", имѣя въ виду его агитаторскую роль. Въ 1883 году въ убійствѣ жандармскаго офицера Судейкина опять участвуютъ рабочіе. Одинъ за другимъ выбывали изъ строя лучшіе агитаторы, дѣло хирѣло. Сѣверно-русскій рабочій союзъ скоро распался.

Не въ одномъ этомъ сказалось вліяніе террористической борьбы на рабочемъ дѣлѣ. Въ воздухѣ вообще запахло кровью, вся революціонная среда была страшно раздражена безчисленными казнями и истязаніями, производимыми надъ политическими заключенными. Рабочіе кружки были захвачены общимъ настроеніемъ. Создаются „боевыя дружины", которыя избиваютъ шпіоновъ и ненавистныхъ мастеровъ. Тамъ и сямъ рабочіе кружки убиваютъ шпіоновъ. Такъ въ 1881 г. въ Петербургѣ убили шпіона Прейна (на Смоленскомъ кладбищѣ), причемъ въ этомъ предпріятіи участвовали многіе рабочіе кружки. Въ Петербургѣ и теперь еще можно встрѣтить стариковъ рабочихъ, помнящихъ объ этомъ событіи и знавшихъ объ его подготовленіи. Въ 1883 г. въ Харьковѣ рабочіе же убиваютъ шпіона Шкрябу. Польская соціалистическая партія, которая къ этому времени приняла чисто рабочій характеръ, также увлеклась терроромъ.

Увлеченіе всѣхъ лучшихъ революціонныхъ силъ террористической борьбой вредно отозвалось на развитіи рабочихъ организацій какъ разъ въ такое время, когда всего легче могло бы совершиться объединеніе рабочихъ массъ и вовлеченіе ихъ въ сознательно-классовую борьбу въ широкихъ размѣрахъ. Кризисъ начала 80-хъ годовъ, обостренный голодовками въ деревнѣ, вызвалъ въ рабочихъ массахъ самое воинственное настроеніе. Въ 1882 г. стачекъ было гораздо болѣе, чѣмъ когда либо до тѣхъ поръ; онѣ охватили и Польшу, и Петербургъ, и балтійскіе города, и центральную Россію, и Зауралье. Впервые русская буржуазная печать обратила вниманіе на рабочее движеніе, появился въ легальныхъ журналахъ

рядъ статей о фабричныхъ рабочихъ, раздавались намеки на то, что у насъ слѣдуетъ ожидать движенія по образцу западно-европейскихъ. На югѣ Россіи, гдѣ въ это время заводская промышленность еще и не начала развиваться, а большинство пролетаріата состояло изъ портовыхъ и чернорабочихъ, общее возбужденіе выразилось въ другихъ формахъ. Полицейскимъ агентамъ и буржуазно-патріотическимъ газетамъ удалось обратить гнѣвъ темнаго и голоднаго люда на евреевъ, и въ 1881 и 1882 гг. произошелъ рядъ погромовъ во всѣхъ южно-русскихъ городахъ и многихъ мѣстечкахъ и селахъ; безпорядки сопровождались убійствами и столкновеніями съ войсками. Предразсудки и племенная вражда сыграли въ этихъ безпорядкахъ немалую роль, и еврейскіе бѣдняки жестоко поплатились за эксплуататорскую дѣятельность своихъ богатыхъ единовѣрцевъ, которые, впрочемъ, одинаково давятъ и христіанскаго и еврейскаго пролетарія. Но подкладка этихъ бунтовъ была чисто соціальная; голодный людъ проявилъ накипѣвшее въ немъ озлобленіе ко всякимъ собственникамъ и ко всякой собственности. Журналъ „Дѣло" указалъ въ то время на любопытную черту этихъ погромовъ: тогда какъ крестьяне малороссы не прочь были расхищать имущество евреевъ, городскіе „бунтари" строго держались пароля — уничтожать, но не брать. Русская буржуазія, сначала рукоплескавшая безпорядкамъ изъ ненависти къ своимъ еврейскимъ конкурентамъ, потомъ переполошилась, когда тамъ и сямъ (напримѣръ, въ Кіевѣ) толпа начала переходить къ такимъ же расправамъ надъ собственностью самыхъ православныхъ купцовъ. „Не разнуздывайте звѣря" завопила либерально-буржуазная газета „Голосъ", обращаясь къ революціонерамъ съ укоромъ, что ихъ пропаганда приводитъ къ подобнымъ насиліямъ. Буржуазные мудрецы ошибались: когда народная толпа проявляетъ „звѣрскія" наклонности, въ нихъ виноватъ не соціализмъ, а сама буржуазія; не новыя идеи, просвѣщающія сознаніе, а старые предразсудки, притупляющіе умъ; не пропаганда революціи, облагораживающая человѣка и возвышающая его достоинство, а пропаганда вѣчнаго смиренія и терпѣнія, уничтожающая въ народѣ чувство самоуваженія—то чувство, которое никогда не позволяетъ совершать насилія надъ слабыми и беззащитными.

Правительство, которое сначала не препятствовало народной злобѣ излиться въ эту сторону, приняло послѣ поспѣшно самыя крутыя мѣры, испугавшись, что народное движеніе приметъ иной характеръ. Послѣдовали суровыя расправы, и тѣ, кого раньше

подстрекали къ безпорядкамъ, теперь карались жестокими судебными приговорами, казацкими плетями и солдатскими пулями.

Въ то время, какъ южно-русскіе крестьяне вслѣдъ за городской голью, устраивали эти погромы, въ центральныхъ губерніяхъ — Воронежской, Тамбовской, Орловской — крестьяне массами отказывались платить высокую аренду, не выполняли договоренныхъ работъ на помѣщиковъ и подчасъ устраивали бурные безпорядки. Ни прежде, ни послѣ того въ сельскомъ населеніи не происходило столь частыхъ волненій, какъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Не безъ вліянія на ихъ возникновеніе остались обычные слухи среди мужиковъ о томъ, что-де новый царь хочетъ отдать крестьянству всю барскую землю: отозвалась и прежняя агитація народниковъ-бунтарей.

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы въ то время существовала сильная рабочая партія, ей удалось бы многое сдѣлать для вовлеченія городскихъ и сельскихъ рабочихъ массъ въ сознательную борьбу съ существующимъ строемъ. Но, какъ мы видѣли, такой рабочей партіи въ это время уже не было. Лучшіе революціонныя силы, наиболѣе энергичные рабочіе агитаторы участвовали въ партіи „Народной Воли", а главной работой этой партіи былъ политическій терроръ. Все же отдѣльные революціонеры продолжали оказывать кое-какое вліяніе и на рабочее движеніе. Въ стачкахъ соціалисты выступали въ роли руководителей, они старались, по мѣрѣ силъ, устраивать рабочіе кружки. До 1885 г. издавалось нѣсколько тайныхъ газетъ для рабочихъ. Въ столицахъ и крупнѣйшихъ центрахъ рабочее дѣло понесло болѣе сильный ущербъ отъ политическаго террора; въ провинціи же, куда массами высылались рабочіе, подъ наружнымъ спокойствіемъ тлѣла революціонная мысль. Между прочимъ, высланные изъ столицъ соціалисты-рабочіе стояли во главѣ извѣстной стачки ткачей Орѣхова-Зуева въ 1885 году, составившей крупное событіе въ исторіи русскаго рабочаго класса.

Уже рабочія волненія начала 80-хъ годовъ заставили правительство издать, наконецъ, первые, пока еще очень робкіе и мало дѣйствительные законы, ставившіе нѣкоторый предѣлъ безмѣрному кровопійству россійскихъ капиталистовъ. Въ 1882, 1883, 1885 годахъ были изданы законы о работѣ малолѣтнихъ и женщинъ и впервые учреждена фабричная инспекція, а въ 1886 г. послѣ Морозовской стачки (въ Орѣховѣ-Зуевѣ) введены разсчетныя книжки, воспрещены произвольные штрафы и вычеты, расплата товарами

вмѣсто денегъ. Эти реформы были тѣ самыя, которыхъ требовали Орѣховскіе ткачи, руководимые Волковымъ и Мосеенко.

Въ отчетѣ Государственнаго Совѣта за 1886 годъ мы находимъ слѣдующія замѣчательныя строки:

„Постепенно накопляющееся въ классѣ фабричныхъ рабочихъ недовольство дѣлаетъ его благопріятной, воспріимчивой почвой для преступныхъ ученій, стремящихся къ уничтоженію государственнаго и общественнаго строя. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что представители противоправительственной пропаганды сосредоточиваютъ въ послѣднее время свое вниманіе на фабричномъ населеніи и нерѣдко скрываются въ его рядахъ... Въ виду этого и въ заботѣ о возможномъ устраненіи фабричныхъ стачекъ и безпорядковъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало необходимымъ безъ дальнѣйшаго промедленія приступить къ пересмотру существующихъ постановленій Устава Промышленности въ смыслѣ урегулированія взаимныхъ отношеній между фарикантами и рабочими".

Само правительство, такимъ образомъ, признало, что первые законы объ охранѣ труда изданы имъ подъ вліяніемъ страха передъ рабочимъ движеніемъ, подъ вліяніемъ впечатлѣнія стачекъ начала и середины 80-хъ гг. Морозовскимъ ткачамъ русскій пролетаріатъ обязанъ первыми фабричными законами, какъ петербургскимъ ткачамъ онъ обязанъ закономъ 2-го іюля объ 11½-час. рабочемъ днѣ*).

*) Недавно газеты съ умиленіемъ сообщали о томъ, что хозяева и рабочіе Ярославской Большой Мануфактуры собрали 1.000 руб. на поднесеніе иконы царю въ благодарность за изданіе закона 2-го іюля. Мы понимаемъ, что капиталисты имѣютъ всѣ основанія благодарить царя за то, что по этому закону требовавшееся рабочими сокращеніе рабочаго дня было произведено въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ и фабрикантамъ оставлено какъ нельзя болѣе лазеекъ для обхода закона. Но рабочимъ слѣдовали бы помнить, что все, что есть хорошаго въ законѣ 2-го іюля, достигнуто смѣлой борьбой петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ. Поэтому гораздо резоннѣе поступили рабочіе Кренгольмской Мануфактуры (въ Нарвѣ), когда въ апрѣлѣ 97 г. потребовали отъ попа служить молебенъ за петербургскихъ рабочихъ, добившихся для всего русскаго пролетаріата 11½часового рабочаго дня.— Ярославскіе фабриканты должны быть тѣмъ болѣе признательны именно царю Николаю II, что не кто другой, какъ онъ, торжественно благодарилъ въ апрѣлѣ 95 г. офицеровъ и солдатъ, проливавшихъ кровь рабочихъ Ярославской Мануфактуры во время стачки. Ярославскимъ же рабочимъ не годится забывать этой безвинно пролитой

Но къ тому времени, когда стачечное движеніе вело къ этимъ побѣдамъ рабочаго класса, политическое революціонное движеніе быстро клонилось къ упадку, чтобы совершенно затихнуть къ началу 90-хъ годовъ.

Народовольцамъ удалось таки убить Александра II. Но результаты этого событія не оправдали ихъ ожиданій. Правда, смятеніе среди правительства и высшихъ классовъ достигло крайней степени. Разсказываютъ, что во многихъ городахъ власти ожидали полученія изъ столицъ приказаній новаго правительства, „Исполнительнаго Комитета" и, конечно, были готовы присягнуть ему въ вѣрности. Либеральное общество втайнѣ надѣялось, что перепуганный новый царь пойдетъ на уступки, и подавало ему петиціи о расширеніи свободы. Но въ народѣ убійство Александра II не встрѣтило сочувствія. Наоборотъ, громадное большинство вѣрило гнусной клеветѣ, будто революціонеры дѣйствовали въ интересахъ дворянъ, недовольныхъ тѣмъ, что Александръ II освободилъ крестьянъ. Тутъ-то оказалось, что народная темнота стоитъ на пути успѣхамъ революціи. Революціонная партія слишкомъ мало сдѣлала для политическаго воспитанія народныхъ массъ. Собственныхъ-же ея силъ было недостаточно, чтобы свергнуть самодержавіе. Если бы за убійствомъ Александра II послѣдовало широкое политическое движеніе народныхъ массъ, новый царь несомнѣнно пошелъ бы на уступки. Два первыхъ мѣсяца царствованія Александра III прошли въ колебаніяхъ, какую политику выбрать. Манифестъ 29 апрѣля 1881 г. объявилъ, что все остается по старому и что правительство намѣрено желѣзной рукой задавить всякое сопротивленіе. Самодержавіе убѣдилось, что у него нѣтъ серьезнаго врага и стало на дыбы. Неслыханное усиленіе правительственныхъ жестокостей навело уныніе на либеральное общество. А среди революціонеровъ угасала прежняя вѣра въ близость побѣды. Преслѣдованія властей довершили остальное. Еще нѣсколько лѣтъ геройскихъ усилій и къ 1884 году организація партіи „Народной Воли" была разбита. Страшная „гидра" революціи была обезглавлена. Старая Русь побѣдила.

крови своихъ братьевъ. Деньги, собранныя на икону, очень пригодились бы семействамъ несчастныхъ ярославскихъ рабочихъ, осужденныхъ въ арестантскія роты за то, что въ 95 г. не хотѣли безропотно сносить казацкія нагайки и ружейные приклады. Предоставимъ подносить царю подарки тѣмъ, кому онъ предоставляетъ въ полное распоряженіе нашъ трудъ, наши силы и здоровье нашихъ женъ и дѣтей.

Глава IV.

Торжество самодержавія и господствующихъ классовъ въ царствованіе Александра III. Подавленіе общественной дѣятельности, свободы суда, печати, преслѣдованіе инородцевъ и иновѣрцевъ. Покровительство дворянству и крупной промышленности. Фабричное законодательство. Разореніе крестьянства. Развитіе крупной промышленности и переворотъ, ею произведенный. Голодъ 1891 года и начало конца.

Старая Русь побѣдила! Несмотря на тяжелые удары, нанесенные ей молодыми побѣгами, она вышла изъ борьбы въ полной силѣ.

Горе побѣжденнымъ! провозгласили представители старой Руси, и за весь страхъ, испытанный ими во время борьбы, они мстили жестоко, безпощадно.

Горе побѣжденнымъ! Но побѣжденнымъ въ этой борьбѣ было не одно только революціонное движеніе. Побѣждено было все то, что стремилось къ свѣту и свободѣ, побѣждена была свободная научная мысль, разсѣивающая предразсудки, свободное слово, зовущее людей къ осмысленной борьбѣ за свое благо, побѣждено было все то, что протестовало словомъ и дѣломъ противъ унаслѣдованныхъ отъ старины гнилыхъ порядковъ азіатскаго государства. „Вся бѣда въ избыткѣ просвѣщенія“ вопили на всѣ лады представители господствующаго строя — и обрушились на просвѣщеніе, систематически очищали университеты отъ „неблагонадежныхъ элементовъ“, изгоняли свободомыслящихъ профессоровъ и учителей, отдавали народныя школы подъ надзоръ невѣжественныхъ поповъ, тормозили открытіе народныхъ читаленъ и библіотекъ, изданіе дешевыхъ книгъ и газетъ. Министръ Деляновъ издавалъ циркуляры о томъ, чтобы не пропускать въ гимназіи дѣтей бѣдныхъ родителей, которые являются проводниками недовольства въ благородную публику

Побѣждено было все общество, пріучившееся за послѣднія десятилѣтія отстаивать свои интересы противъ хозяйничанья чиновниковъ. „Весь ядъ въ земскихъ собраніяхъ, изъ нихъ идетъ пропаганда политической свободы!“ И земскія собранія были отданы подъ мелочный, придирчивый контроль губернаторовъ, у нихъ отнимались одни права за другими. Судъ присяжныхъ тоже былъ бѣльмомъ въ глазахъ поборниковъ мракобѣсія: чиновничество ревниво стремилось безконтрольно судить обывателей. И

судъ присяжныхъ былъ урѣзанъ: одни дѣла за другими выключались изъ круга его вѣдѣнія.

И безъ того несвободная печать была окончательно скована. Одинъ за другимъ были закрыты всѣ мало мальски добросовѣстные органы печати. Число газетъ значительно уменьшилось, ихъ вліяніе на публику — еще болѣе, такъ какъ цензурная неволя заставляла газеты разбавлять свое содержаніе мелочнымъ вздоромъ.

По главнымъ побѣжденнымъ въ борьбѣ, закончившейся торжествомъ самодержавія, былъ народъ, трудящіеся классы, во имя которыхъ революціонная партія билась на жизнь и смерть. Разсѣялся призракъ близкой соціальной революціи, и господствующіе классы, облегченно вздохнувъ, съ удвоенной энергіей бросились расхищать трудъ народныхъ массъ. „Надо подтянуть мужика“, таковъ былъ общій кличъ чиновниковъ, дворянъ и капиталистовъ. „Мужикъ зазнался, распустился“, на всѣ лады кричали тѣ, кто стремился выжимать изъ мужика послѣдніе соки. Правительству только и нужно было отвлечь все вниманіе буржуазныхъ классовъ въ сторону матеріальныхъ интересовъ, чтобы заставить ихъ помириться съ усиленіемъ чиновничьяго произвола и полицейской опеки. Буржуазія грабитъ и наживается, чиновничество самовластно правитъ и распоряжается — такова политика, неуклонно проводимая самодержавіемъ временъ Александра III, политика, сплачивающая въ одну партію всѣхъ, кто живетъ трудомъ народа.

Первымъ было удовлетворено благородное дворянское сословіе. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Александра III была милость вѣрному дворянству въ видѣ открытія императорскаго дворянскаго банка. Этотъ банкъ выдалъ въ теченіе 10 лѣтъ дворянамъ-помѣщикамъ въ ссуду нѣсколько сотъ милліоновъ по самымъ низкимъ процентамъ. Дворяне, запустившіе свои имѣнія по неумѣнію вести коммерческое хозяйство, за 20 лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, успѣли потерять часть своей земли, которая отошла къ капиталистамъ „простого“ званія; оставшіяся въ рукахъ дворянъ земли были перезаложены въ частныхъ банкахъ и имъ грозила участь быть проданными съ молотка. Теперь расточительные и неумѣлые хозяева получили изъ государственныхъ средствъ, т. е. изъ налоговъ, взимаемыхъ съ народа, громадныя суммы для поправленія своихъ дѣлъ. Когда ремесленникъ или мастерокъ-кустарь, не выдержавъ конкурренціи съ крупной фабрикой, разоряется и долженъ продать на уплату долговъ свою небольшую мастерскую, — тогда государство не при-

ходитъ ему на помощь, не снабжаетъ его дешевымъ кредитомъ для возстановленія его маленькаго хозяйства и спасенія его отъ необходимости идти въ наемники. Когда крестьянину приходится продать послѣднюю лошадь для удовлетворенія кредитора-кулака или для уплаты недоимокъ, чтобы, сдавъ надѣлъ богатому сосѣду, уйти въ рабочіе — тогда тоже не поднимается рѣчи о томъ, чтобы обезпечить ему на государственныя средства его самостоятельное мелкое хозяйство; но когда благородный потомокъ владѣльца крѣпостныхъ рабовъ и собственникъ сотенъ или тысячъ десятинъ оказывается несостоятельнымъ удержать хозяйство въ своихъ бѣлыхъ рукахъ и оттѣсняется богатымъ мужикомъ и купцомъ, — тогда тощій крестьянскій кошель долженъ прійти на помощь тунеядцу и поддержать его ненужное сытое существованіе. Съ міру по ниткѣ — богатому лишняя шуба! Милліонами, выданными изъ дворянскаго банка (они по большей части такъ и пропали за дворянами, неплатящими даже аккуратно процентовъ), не ограничилась царская милость своему „первенствующему сословію". Чтобы оно, дѣйствительно, сохранило свое первенствующее положеніе, нужно было усилить его власть надъ „свободными крестьянами" и его вліяніе въ уѣздѣ. Для этой цѣли Земское Положеніе 1889 года кореннымъ образомъ измѣнило строй земскихъ собраній. Помѣщикамъ дворянскаго сословія предоставлено выбирать въ земскія собранія значительно большее число гласныхъ, чѣмъ землевладѣльцамъ недворянамъ; крестьяне же совсѣмъ потеряли право выбора земскихъ гласныхъ, которымъ они пользовались съ 1866 года; для формы подъ именемъ „гласныхъ" оставлены въ земствѣ крестьяне, *назначенные* администраціей изъ писарей или старшинъ, поневолѣ безгласныхъ въ присутствіи своихъ начальниковъ, засѣдающихъ въ томъ же собраніи. Эти новые начальники, „земскіе начальники", были новою милостью царя дворянскому сословію. Назначенные изъ числа мѣстныхъ дворянъ, земскіе начальники пользуются громадной, почти безконтрольной властью надъ крестьянами, имѣютъ право вмѣшиваться во всѣ крестьянскія дѣла.

Этимъ учрежденіемъ были разомъ достигнуты двѣ цѣли: во 1) дворянскимъ сынкамъ предоставлена масса новыхъ и хорошо оплачиваемыхъ должностей; во 2) надъ крестьянами нависло новое крѣпостное право: въ лицѣ земскаго начальника помѣщики имѣютъ своего человѣка, который употребляетъ свою громадную власть для того, чтобы держать мужика въ повиновеніи у землевладѣльца. Какъ велика эта власть и какъ ею пользуются,

можно судитъ изъ слѣдующихъ фактовъ, недавно сообщенныхъ газетами. Въ пораженной голодомъ губерніи земскій начальникъ лишилъ голодныхъ мужиковъ продовольственнаго пособія за то, что они отказались работать у помѣщика по той цѣнѣ, какую тотъ имъ предложилъ. Въ другомъ мѣстѣ земскій начальникъ закрылъ столовую, устроенную для голодающихъ, за то, что они не ладили съ сосѣднимъ помѣщикомъ по какому-то земельному вопросу.

Мужикъ былъ „подтянутъ" какъ нельзя лучше. Земскіе начальники заставили его ломать шапку передъ всякимъ „бариномъ", выслушивать отъ барина „тыканье"; въ деревнѣ раздались барскія оплеухи, засвистали розги, такъ какъ земскіе начальники *заставляли* волостныхъ судей пороть провинившихся. Благородное дворянство прилагало всѣ усилія, чтобы заглушить въ мужикѣ чувство самоуваженія, чтобы превратить его въ забитаго холопа. Если когда-нибудь чаша терпѣнія переполнится и голодъ толкнетъ мужика жечь барскія усадьбы и вѣшать благородныхъ эксплуататоровъ, пусть сами пеняютъ на себя, зачѣмъ зуботычиной и розгами способствовали огрубѣнію крестьянина.

Спеціальныя мѣры были приняты и для „обузданія" сельскихъ батраковъ. Эти дерзкіе люди воображаютъ, что они имѣютъ право въ урожайные годы, когда землевладѣльцы зазываютъ на перебой работника, требовать высокой поденной платы, хорошихъ харчей и сносныхъ жилищъ. Правда, что въ плохіе годы, когда для уборки хлѣба требуется мало рукъ, а съ предложеніемъ своего труда являются многія тысячи, землевладѣльцы въ свою очередь прижимаютъ рабочихъ и нанимаютъ ихъ за дешево. Но то господа, а это мужики. Первымъ дозволяется пользоваться выгодными условіями рынка, вторымъ это возбраняется. Если помѣщикъ узнаетъ, что цѣны на рабочія руки пали и разсчитаетъ своихъ батраковъ, чтобы нанять новыхъ, онъ за нарушеніе контракта отвѣчаетъ возмѣщеніемъ убытковъ: если же его батраки уйдутъ къ хозяину, предлагающему высшую плату, они подвергаются аресту по суду. Это называется справедливостью, а кто въ этомъ сомнѣвается, тотъ государственный преступникъ!

Въ такомъ именно духѣ неравенства договаривающихся сторонъ былъ составленъ законъ 1886 года о наймѣ на сельскія работы, поставившихъ сельскихъ рабочихъ въ полную зависимость отъ произвола нанимателей дворянскаго и недворянскаго званія. Всѣ эти мѣры помощи землевладѣльческому классу не могли, однако, помѣшать постепенному ослабленію его значенія въ сравненіи съ

торгово-промышленной буржуазіей, которая богатѣла и усиливалась вмѣстѣ съ ростомъ промышленности. И этому классу тоже не пришлось жаловаться на помощь Александра III. Все его царствованіе прошло въ рядѣ мѣръ „на пользу отечественной промышленности“. Въ 1881 году всѣ пошлины, взимаемыя съ продуктовъ, ввозимыхъ въ Россію, были повышены на 10 проц. Въ 1882 году еще повышены пошлины на полотно, шерстяную пряжу и нѣкоторые другіе товары. Въ 1884 году — на шелковую пряжу; въ 1885 году пошлины на всѣ иностранные товары повышены. Въ 1891 году — новое и самое сильное повышеніе. Такимъ путемъ правительство оградило капиталистовъ отъ иностранной конкурренціи; потребитель былъ вынужденъ платить втридорога за русскіе товары, такъ какъ пошлина не допускала ввоза болѣе дешевыхъ иностранныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскимъ фабрикантамъ нѣтъ нужды вводить улучшенія въ производствѣ и удешевлять стоимость товаровъ, такъ какъ все равно покупателю некуда дѣться. Насколько отъ этого страдаетъ весь народъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ цыфръ. Фунтъ табаку, стоющаго въ Россіи 1 руб. 20 коп., въ Германіи стоитъ 16 коп.: одинъ пудъ проволочныхъ гвоздей, за который русскій мужикъ заплатитъ 8 руб., нѣмецкому обойдется въ 1 руб. 50 коп. То количество писчей бумаги, которое у насъ стоитъ 1 рубль, въ Германіи стоитъ 13 коп.; за полотно, стоющее въ Россіи 1 рубль, нѣмецъ заплатитъ 30 коп., а за ситецъ вмѣсто 1 рубля всего 22 коп. Плугъ или молотилка, стоющіе въ Россіи 100 рублей, въ Германіи можетъ быть пріобрѣтена за 40 рублей.

Неудивительно послѣ этого, что барыши русскихъ фабрикантовъ поднялись до неслыханныхъ въ Западн. Европѣ размѣровъ. Заводъ Юза въ Екатеринославской губер. получилъ однажды въ годъ рубль на рубль барыша, иначе говоря, въ годъ окупилъ всѣ свои затраты на основной капиталъ. Въ іюлѣ 1897 г. пудъ чугуна продавался за 85 коп. Высчитали, что расходъ на производство этого количества чугуна = 45 коп., изъ которыхъ всего 4 коп. идутъ на заработную плату занятыхъ въ производствѣ рабочихъ. Прибыль заводчика, такимъ образомъ, составитъ 40 к. съ продукта, продающагося по 85 к. Это значитъ, что рабочій чугунно-плавильнаго производства, вырабатывая для себя, скажемъ, 1 рубль, создаетъ хозяину 10 рублей, иначе говоря, если рабочій работаетъ въ день 11 часовъ, то въ теченіе одного часа онъ создаетъ себѣ заработную плату, остальные же десять часовъ работаетъ *даромъ* на хозяина. Еще изъ этихъ цифръ слѣдуетъ,

что если бы русскій заводчикъ довольствовался при продажѣ половиной своей теперешней громадной прибыли, то чугунъ могъ бы продаваться по 65 коп. пудъ, на 25 проц. дешевле теперешняго. Къ такой скидкѣ цѣны его принудилъ бы свободный ввозъ дешеваго заграничнаго чугуна. По этому-то ввозу и препятствуютъ высокія пошлины.

Недостаточно защитить бѣднаго капиталиста отъ необходимости удешевить товаръ въ пользу потребителя: вѣдь его барышу грозитъ еще нежеланіе рабочаго отдавать свой трудъ какъ можно дешевле. Царская политика не привлекла бы къ себѣ фабрикантовъ, еслибъ не позаботилась объ „обузданіи“ фабричныхъ рабочихъ. Но какъ мы видѣли, стачечное движеніе вынудило правительство Александра III на первыхъ порахъ издать законы, ограничивающіе произволъ фабрикантовъ, создать фабричную инспекцію. Подчиняясь необходимости, правительство въ то же время выигрывало кое-что въ свою собственную пользу. Изданіе законовъ объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ вполнѣ въ духѣ царскаго правительства, которое радо каждому случаю, позволяющему увеличить свою опеку надъ какими бы то ни было обывателями, будь то нищій или милліонеръ — все едино. Новые чиновники, новые циркуляры и правила — все это означаетъ новое вмѣшательство правительства въ жизнь обывателей, новое усиленіе его власти, новые доходы его агентовъ*). Поэтому, несмотря на протесты фабрикантовъ, фабричные законы 82, 85 и 86 годовъ были приведены въ исполненіе. Но что при этомъ вовсе не желали „поблажать“ рабочимъ, это сказалось тотчасъ-же. Законъ 3-го іюня 1886 года, кромѣ ограниченія произвола капиталистовъ, заключалъ въ себѣ усиленіе наказанія за стачки рабочихъ и ввелъ уголовную отвѣтственность за нарушеніе рабочимъ договора о наймѣ (арестъ до 1 мѣс.).

Первые фабричные инспектора, среди которыхъ было не мало безпристрастныхъ людей, возбудили противъ себя гнѣвъ фабрикантовъ требованіемъ точнаго выполненія закона и опубликова-

---

*) Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ, что рабочему классу не надо добиваться вмѣшательства закона въ его отношенія къ хозяевамъ или нужно возставать противъ фабричной инспекціи. Надо только помнить, что это вмѣшательство тогда только приноситъ рабочимъ пользу, когда рабочіе производятъ энергичное давленіе на государственную власть и заставляютъ фабричнаго инспектора быть слугой закона, а не полицейскимъ опекуномъ надъ рабочими.

ніемъ въ своихъ отчетахъ свѣдѣній о злоупотребленіяхъ на фабрикахъ. Жалобы московскихъ и владимірскихъ фабрикантовъ были услышаны. Съ 1886 года воспрещено печатанье отчетовъ фабричной инспекціи и удалены отъ должности слишкомъ добросовѣстные инспектора. Вскорѣ затѣмъ палъ министръ финансовъ Бунге, который считалъ необходимымъ развитіе фабричнаго законодательства, и постъ министра финансовъ занялъ болѣе угодный капиталистамъ Вышнеградскій. Пользуясь наступившимъ затишьемъ въ стачечномъ движеніи, правительство стало урѣзывать защиту, предоставленную рабочимъ закономъ 1886 года. По закону 24 апрѣля 1890 года допущены были отступленія отъ закона, воспрещающаго ночную работу женщинъ и малолѣтнихъ. Законъ 8-го іюля 1893 года расширилъ право фабриканта уволить рабочаго до срока найма и уменьшилъ отвѣтственность тѣхъ фабрикантовъ и управляющихъ, которые особенными беззаконіями довели рабочихъ до бунта.

Чтобы еще тѣснѣе сплотить буржуазные классы вокругъ престола и привязать къ нему ту часть буржуазнаго общества, которая прямо не заинтересована въ эксплуатаціи труда, именно, интеллигенцію, царское правительство послѣдовательно проводило такъ называемую „національную" политику, т. е. политику преслѣдованія всѣхъ многочисленныхъ нерусскихъ народностей, обитающихъ Россію; эта политика ведется во имя яко-бы интересовъ русскаго народа, на дѣлѣ-же въ интересахъ русской буржуазіи и чиновниковъ. Поляки, литовцы, финляндцы, евреи, армяне, балтійскіе нѣмцы, татары — всѣ испытали на себѣ и испытываютъ доселѣ тяжесть этой политики, которая обрушивается всего болѣе на народныя массы этихъ національностей, такъ какъ богатые инородцы кое-какъ откупаются отъ притѣсненія политики, которая только сѣетъ вражду между народами, укрѣпляетъ предразсудки какъ въ русскомъ народѣ, такъ и въ нерусскихъ народныхъ массахъ. Русскій рабочій и русскій крестьянинъ ничего не выиграли отъ того, что поляку и литовцу запрещаютъ учить дѣтей на родномъ языкѣ, отъ того, что на казенную службу не принимаютъ или принимаютъ неохотно евреевъ и поляковъ или что имъ воспрещаютъ заниматься той или другой профессіей. Но отъ подобныхъ притѣсненій инородцевъ много выигрываютъ и русскій торговецъ, и русскій чиновникъ, и русскій адвокатъ, и русскій инженеръ, которые избавляются отъ конкуррентовъ на доходныя мѣста. Рядомъ съ преслѣдованіемъ инородцевъ идетъ еще болѣе безстыдное гоненіе на иновѣрцевъ, особенно на сектан-

товъ. Въ интересахъ православныхъ поповъ ихъ подвергаютъ вѣчнымъ преслѣдованіямъ, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ принимаютъ характеръ, напоминающій средніе вѣка, когда „еретиковъ" жгли на кострахъ во славу божію. Правительство Александра III достигло своей цѣли. Оно сплотило вокругъ себя всѣ сильные элементы русскаго общества. Люди, стремившіеся къ свободѣ, потеряли то вліяніе на буржуазную публику, какимъ они пользовались въ 70-хъ годахъ.

Все шло хорошо. Революціонное движеніе замерло, печатное слово задушено. Военная сила государства несмѣтно возросла, и Россійская Имперія стала сильнѣйшей державой, которой боится весь міръ. Но все это величіе покоилось на гниломъ основаніи. Внезапно „умиротворенная" Россія предстала предъ міромъ во всей своей красѣ, страной дикой, темной, нищей, голодной. Насталъ знаменитый голодъ 1891-92 годовъ, когда десятки милліоновъ крестьянъ не имѣли никакихъ средствъ къ жизни, когда съ мужика не только нельзя было взять податей, но еще пришлось дать ему отъ казны нѣсколько милліоновъ рублей. Или, какъ выразился Левъ Толстой, паразиту пришлось питать то растеніе, соками котораго онъ живетъ. По голоднымъ селамъ свирѣпствовали тифъ, цынга, холера. Люди съ ума сходили и покушались на самоубійство отъ голода; люди, обезумѣвшіе отъ нужды, били и убивали докторовъ, увѣренные, что доктора насылаютъ холеру...

Этотъ голодный годъ не былъ случайнымъ. Онъ подвелъ итоги всему экономическому развитію страны и прежде всего плодамъ политики царскаго правительства.

Въ теченіе 30-ти лѣтъ самовластная шайка чиновниковъ обирала народъ въ свою пользу и въ пользу высшихъ классовъ, не давая ему взамѣнъ никакихъ средствъ для поднятія своего умственнаго уровня и производительности труда. Крестьянское населеніе все возрастало, а между тѣмъ ему приходилось ютиться все на той же площади земли, какую ему предоставили въ 1861 г., такъ какъ переселенія крестьянъ систематически стѣснялись. Дабы помѣщики имѣли въ избыткѣ дешевыя рабочія руки. Недостающую землю крестьянинъ доставалъ арендой, но арендныя цѣны росли подъ вліяніемъ усиленнаго спроса и сплошь и рядомъ арендная плата отнимаетъ у мужика весь доходъ. Во многихъ губерніяхъ подати такъ велики, что крестьянинъ радъ развязаться съ хозяйствомъ и уйти въ городъ отъ земли, не окупающей налоговъ, но крестьянскій міръ, связанный круговой пору-

кой, не могъ отпускать лишняго плательщика, за котораго придется платить всему обществу. Это прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ шло на пользу помѣщиковъ, кулаковъ, сельскихъ богатѣевъ, которые всегда имѣютъ подъ рукой бѣдняка, вынужденнаго отдавать свой трудъ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, такъ какъ ему некуда дѣваться со своей рабочей силой. И вотъ въ то время, какъ небольшая часть крестьянъ, пользуясь нуждой остальныхъ, богатѣла на ихъ счетъ и превращалась въ сельскую буржуазію, а другая часть окончательно прикончившихъ свое хозяйство мужиковъ обращалась въ бездомныхъ пролетаріевъ, въ это время огромное большинство крестьянъ влачило жалкое существованіе, переходя отъ работы на своемъ полѣ къ наемнымъ заработкамъ. Это крестьянство, владѣющее самымъ малымъ количествомъ скота и плохими орудіями, неимѣющее никакихъ средствъ для пріобрѣтенія лучшихъ сѣмянъ и лучшаго инвентаря, не имѣющее знаній, чтобы перейти къ болѣе выгодной системѣ полеводства ведетъ свое хозяйство самымъ первобытнымъ способомъ, распахиваетъ и истощаетъ всю полевую землю, оставляя ее безъ удобренія, отдаетъ лучшіе для работы дни помѣщику или кулаку, работая на своемъ полѣ урывками; это крестьянство, опутанное со всѣхъ сторонъ долгами, вынужденное благодаря прикрѣпленію къ землѣ соглашаться на полное закабаленіе кулакамъ, мало по малу пришло въ такое состояніе, когда одинъ неурожайный годъ сбилъ его совершенно съ ногъ.

Но пока раззорялся крестьянинъ, на счетъ его раззоренія развивалась городская промышленность. Богатѣли сельскіе капиталисты, предъявившіе спросъ на продукты фабричнаго производства. А въ города стекались окончательно превращенные въ пролетаріевъ крестьяне. Съ каждымъ годомъ усиливается число отхожихъ рабочихъ, все большая часть ихъ осѣдаетъ навсегда въ городѣ. Сотни милліоновъ, выбранные правительствомъ изъ крестьянъ, взрастили крупную промышленность. И тотъ самый Александръ III, который такъ желалъ вернуть Россію къ дикости прошлыхъ вѣковъ, именно этотъ царь всего болѣе содѣйствовалъ своей политикой перевороту всей экономической жизни страны. Покровительство, оказанное промышленности на счетъ народа, вынужденнаго за все платить втридорога, дало капиталистамъ барыши, о которыхъ не снилось ихъ западно-европейскимъ собратьямъ. Въ Россію хлынули капиталы изъ Англіи, Франціи, Бельгіи. Въ нѣсколько лѣтъ выросла на югѣ колоссальная металлургическая промышленность, маленькіе захолустные городишки и села развились въ крупные промышленные центры (напримѣръ Грушевка, Луганскъ, Юзовка, Кривой Рогъ и многіе другіе). Тысячи верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ прорѣзали Россію по всѣмъ направленіямъ, облегчая стягиваніе населенія въ города. А въ этихъ городахъ собиралось обездоленное, раззоренное населеніе, бывшіе собственники земли или потомки такихъ собственниковъ. Множилось въ городахъ количество постоянныхъ наемныхъ рабовъ капитала и въ тѣхъ же городахъ сходилась выбитая изъ колеи босяцкая голь, армія вѣчныхъ безработныхъ, прозябающихъ въ ужасныхъ трущобахъ, погрязающихъ въ страшной нищетѣ и порокѣ. Но вмѣстѣ съ ростомъ городской нищеты, ростетъ и нѣчто другое. Бывшій земледѣлецъ попадаетъ въ совершенно новыя условія жизни, онъ навсегда вырванъ изъ-подъ гнета прадѣдовскихъ преданій, нашептывающихъ ему въ родномъ селѣ о вѣчномъ смиреніи народа-раба. Въ деревнѣ рабочій человѣкъ всю свою жизнь занятъ мыслью о своемъ, хотя-бы разлѣзшемся по всѣмъ швамъ хозяйствѣ, всѣ его помыслы, всѣ душевныя силы поглощены хозяйствомъ, трудомъ. Въ городѣ, у фабричнаго станка, у доменной печи, за долгой работой на капиталиста мысль рабочаго освобождается отъ этого плѣна, рвется наружу. Нѣтъ мѣста тому самообману, который тяготѣетъ надъ думами крестьянина, что „терпѣніе и трудъ все перетрутъ", что стоитъ только урѣзать всѣ свои расходы и напречь свои силы, и ты удержишься отъ неминуемаго паденія и станешь опять „исправнымъ"*) хозяиномъ. Вмѣсто сознанія своего одиночества и безпомощности, которое гнететъ крестьянина, въ городскомъ рабочемъ трудѣ сообща вырабатываетъ чувства товарищеской солидарности, а вѣчныя столкновенія съ капиталомъ ростятъ недовольство и порывы къ борьбѣ, укрѣпляютъ сознаніе силы, присущей массѣ. А за воротами фабрики, за порогомъ постылаго убогаго жилища передъ рабочимъ встаетъ весь блескъ большого города, нагло выставленная на показъ роскошь эксплуататоровъ, живущихъ его трудомъ, и въ городѣ же онъ находитъ кипучую жизнь, умственное развитіе, образованіе, — все, чего нѣтъ и чего не слыхать въ опустошенной вялой де-

---

*) Совершенно такой же самообманъ замѣчается въ рабочемъ-кустарѣ, который только и думаетъ, какъ бы освободиться отъ зависимости отъ скупщика и стать самостоятельнымъ мастеромъ. Въ погонѣ за этой неосуществимой при современныхъ условіяхъ задачей кустари конкуррируютъ между собой и не поддаются объединенію для защиты общихъ интересовъ.

ревнѣ. Проходятъ годы, и рабочій человѣкъ совершенно преобразовывается, онъ перестаетъ быть, „сѣрымъ" мужикомъ, онъ становится горожаниномъ, съ новыми понятіями, новыми привычками и потребностями... и среди десятковъ тысячъ горожанъ зрѣетъ недовольство; зрѣетъ страстное стремленіе къ знаніямъ и не менѣе страстный порывъ къ лучшей жизни. Такъ развитіе капитализма, которому содѣйствуетъ царское правительство, ведетъ къ росту того класса, который не можетъ и не хочетъ мириться съ долей раба. „Буржуазно-капиталистическій строй немыслимъ безъ пролетаріата. Послѣдній родится вмѣстѣ съ капитализмомъ, растетъ вмѣстѣ, крѣпнетъ и по мѣрѣ своего роста все больше и больше наталкивается на борьбу съ буржуазіей"*).

Въ 1891 году Россія была потрясена голодомъ, который явно показалъ гнилость старой, сермяжной, смиренной Россіи, несчастной опоры нынѣшняго политическаго строя.

И въ томъ же 1891 году на тайномъ собраніи петербургскихъ рабочихъ въ день 1-го мая впервые послѣ перерыва въ нѣсколько лѣтъ раздался голосъ новой Россіи, которая разобьетъ ярмо этого строя. Петербургскіе рабочіе присоединились ко всемірному празднику пролетаріата. Начиналась новая эпоха въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Прежде, чѣмъ перейти къ событіямъ послѣднихъ лѣтъ, вернемся нѣсколько назадъ и прослѣдимъ развитіе революціонной мысли послѣ паденія партіи „Народной Воли".

Глава V.

Историческое значеніе неудачи народническаго революціоннаго движенія. Русскіе революціонеры переходятъ на точку зрѣнія рабочаго класса. Первые шаги соціаль-демократіи въ Россіи. Періодъ рабочихъ кружковъ. Возбужденіе стачечнаго движенія и агитаціонная работа соціаль-демократическихъ организацій.

Неудача народнической борьбы съ правительствомъ показала, что сила самодержавія можетъ быть сломлена только силой народной массы. Но сама партія „Народной Воли" только потому перешла къ заговорщической борьбѣ, что та народная масса, къ которой обращались ея предшественники, оказалась неспособной

*) Манифестъ Россійской Соц.-Демократической Партіи 1898 г.

къ борьбѣ за соціальную революцію. Такимъ образомъ революціонная партія не могла разсчитывать на успѣхъ, оставаясь на народнической точкѣ зрѣнія, т. е. стремясь выразить интересы преимущественно сельскихъ массъ. Революціонеры-народники и народовольцы стояли на точкѣ зрѣнія мелкихъ хозяевъ-крестьянъ, разоряемыхъ капитализмомъ и правительственной политикой. Подобно этимъ крестьянамъ, революціонеры вѣрили въ возможность спасти крестьянское самостоятельное хозяйство, спасти крестьянскую массу отъ участи наемнаго рабочаго. Правда, русскіе революціонеры не останавливались на этомъ: какъ соціалисты они желали, чтобы крестьяне-хозяева перестали быть частными собственниками и составили общины, ведущія соціалистическое производство на основѣ равенства и братства. Но въ этомъ-то и заключалось противорѣчіе ихъ программы, такъ какъ хозяева крестьяне, по условіямъ своей жизни, не проявляютъ склонности къ соціализму: наоборотъ, вся современная обстановка воспитала въ крестьянинѣ стремленіе къ хозяйственной независимости; жизнь не сплачиваетъ крестьянъ общими интересами, а напротивъ, разъединяетъ ихъ, создавая между ними конкурренцію, принуждая каждаго стремиться выбиться на плечахъ другого.

Классъ мелкихъ собственниковъ, хотя бы и бѣдныхъ, не можетъ быть борцомъ за соціальную революцію, которая уничтожитъ всякую частную собственность на средства производства и введетъ общественное планомѣрное хозяйство. За соціализмъ можетъ бороться только тотъ классъ, который самъ не имѣетъ собственности на орудія труда, но который привыкъ къ коллективной (совокупной) планомѣрной работѣ и въ которомъ сами условія производства воспитали чувства солидарности и сознаніе необходимости дѣйствовать сообща. Этотъ классъ — классъ наемныхъ рабочихъ — создается и размножается въ городѣ и деревнѣ по мѣрѣ развитія капитализма, который разоряетъ старое, крѣпкое крестьянство. Слѣдовательно, надо выбирать одно изъ двухъ: сочувствовать сохраненію стараго самостоятельнаго крестьянства, но тогда приходится отказаться отъ соціализма, такъ какъ такое крестьянство не сочувствуетъ и не можетъ сочувствовать идеѣ соціализма. Или же обратить свое вниманіе на тотъ классъ, который выдѣляется изъ народной массы по мѣрѣ того, какъ капитализмъ разлагаетъ старое крестьянство, на тотъ классъ, который по всѣмъ условіямъ своей жизни является наиболѣе революціоннымъ классомъ; но тогда уже необходимо приспособить свою программу къ запросамъ и нуждамъ этого именно класса,

перестать быть представителями крестьянской массы, чтобы стать представителями пролетаріата*).

Русскій пролетаріатъ, какъ мы видѣли, самъ давалъ о себѣ знать революціонерамъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, самъ обращалъ на себя вниманіе и самъ выдвигалъ борцовъ за революціонное дѣло. Народники и народовольцы не оцѣнили въ достаточной мѣрѣ революціонную силу русскаго пролетаріата. Когда вмѣстѣ съ партіей „Народной Воли" революціонная интеллигенція была окончательно разбита самодержавіемъ и большинство уцѣлѣвшихъ и бѣжавшихъ за границу революціонеровъ, равно какъ и оставшіе въ Россіи ихъ сторонники, продолжали по прежнему мечтать о крестьянскомъ возстаніи, о террорѣ, о военномъ заговорѣ; другіе, бросивъ думать о *народной* революціи, пытались привлечь на свою сторону либерально-буржуазное общество. Но среди эмигрантовъ нашлись и иные люди, для которыхъ тяжелый опытъ не прошелъ безслѣдно. Эти люди выяснили причины неуспѣха русскаго революціоннаго дѣла, они ближе познакомились съ состояніемъ рабочаго движенія въ Зап. Европѣ и, порвавъ съ точкой зрѣнія крестьянской революціи, стали на точку зрѣнія пролетаріата. Заслуга выведенія русскаго революціоннаго движенія на новый путь принадлежитъ группѣ „Освобожденіе Труда", основанной въ 1883 году Г. Плехановымъ, выступившимъ сразу ея теоретическимъ и публицистическимъ знаменоносцемъ, В. Засуличъ и П. Аксельродомъ. Эта группа взяла на себя нелегкое дѣло пропаганды соц.-демократическихъ идей среди русскихъ революціонеровъ**).

Плехановъ и Аксельродъ принимали участіе въ революціонномъ

*) Это не значитъ, что соціализмъ долженъ махнуть рукой на крестьянина и отказаться отстаивать его интересы. Напротивъ, въ программѣ рабочей партіи должно обратить на эти интересы самое серьезное вниманіе. Но соціалисты, выдвигая на первый планъ классовые интересы пролетаріата, не могутъ поддерживать такія мѣры, которыя хотя бы были по душѣ крестьянамъ, но могутъ только затормозить успѣхъ рабочаго движенія, конечная цѣль котораго есть утвержденіе строя, одинаково обезпечивающаго всѣхъ трудящихся.

**) Одинъ изъ главныхъ основателей ея, не названный въ текстѣ, палъ жертвой своей неутомимой энергичной дѣятельности на пользу новой революціонной фракціи. Онъ, собственно говоря, былъ организаторомъ группы „Освобожденіе Труда"; съ этой стороны, она именно ему обязана своимъ существованіемъ. Н. А.

движеніи 70-хъ гг*); оба хорошо были знакомы спеціально съ рабочимъ движеніемъ и научились цѣнить революціонные задатки русскаго пролетаріата. Группа „Освобожденіе Труда" приступила къ изданію на русскомъ языкѣ трудовъ великихъ соціалистовъ Маркса и Энгельса и къ критикѣ народническихъ предразсудковъ.

Разсмотримъ, каковы были главныя идеи, пропагандировавшіяся основателями русской соціаль-демократіи, и каково ихъ отношеніе къ революціоннымъ программамъ — народнической и народовольческой.

Русская соціаль-демократія настаивала на томъ, что борцомъ за соціализмъ призванъ быть пролетаріатъ: идея соціализма есть теоретическое выраженіе классовыхъ интересовъ пролетаріата, поэтому борьба за соціализмъ только тогда является плодотворной, когда революціонная партія опирается на сознательный, организованный классъ. Задача соціаль-демократической партіи: содѣйствовать развитію самосознанія этого класса, объединять его по мѣрѣ того, какъ капиталистическое развитіе умножаетъ его численность, и, стоя въ первыхъ рядахъ рабочаго класса, вмѣстѣ съ нимъ вести борьбу противъ существующаго строя. Борясь за свое собственное освобожденіе, пролетаріатъ освобождаетъ и весь народъ. Плехановъ и его друзья раскрыли несостоятельность народническихъ надеждъ на крестьянство, какъ опору русской революціи; они показали, что въ деревнѣ создается почва для революціоннаго движенія только въ той мѣрѣ, въ какой хозяева-собственники превращаются въ сельскій пролетаріатъ, солидарный въ своихъ интересахъ съ городскимъ пролетаріатомъ.

Народники отрицали борьбу за политическую свободу, считая, что этой свободой воспользуются только буржуазные классы во вредъ народнымъ (крестьянскимъ) массамъ. Великой заслугой партіи „Народной Воли" было признаніе необходимости прежде всего свергнуть самодержавіе. Но за этой вѣрной мыслью у народовольцевъ скрывалась старая народническая надежда на всеобщее крестьянское возстаніе, которое, думали народовольцы, вспыхнетъ послѣ паденія самодержавія. Болѣе трезво смотрѣлъ „Северно-Русскій Рабочій Союзъ", когда говорилъ, что стремится къ политической свободѣ, которая оградитъ „самое существованіе и развитіе рабочихъ организацій, стремящихся къ соціальному пере-

*) В. Засуличъ начала свою революціонную дѣятельность уже въ 60-хъ годахъ.

вороту“. Русская соціаль-демократія развила далѣе точку зрѣнія „Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза“. Освобожденіе рабочихъ можетъ быть только дѣломъ самихъ рабочихъ. Чтобы достигнуть конечной цѣли рабочаго движенія, т. е. торжества соціализма, необходима предварительно широкая политическая свобода, которая одна только позволитъ пролетаріату развить свою силу и свое самосознаніе въ достаточной мѣрѣ, чтобы взять въ свои руки общественное производство. Поэтому, задача русской рабочей партіи, — вопреки всѣмъ политическимъ стѣсненіямъ, развить въ рабочихъ массахъ сознаніе необходимости достиженія политической борьбы, организовать ихъ на борьбу съ русскимъ самодержавіемъ. Народники 70-хъ годовъ, видя, что въ Россіи политической свободы добиваются буржуазные либералы, заключали отсюда, что введеніе въ программу политической свободы будетъ только на руку либеральной буржуазіи. По ихъ мнѣнію, борьба за соціализмъ не совмѣстима съ борьбой за демократію, за свободное народное государство. Напротивъ, послѣ паденія партіи „Народной Воли“, среди русскихъ революціонныхъ кружковъ укрѣпился взглядъ, что революціонная партія должна бороться за политическую свободу, но за то должна оставить въ тѣни вопросъ о соціализмѣ и ни въ какомъ случаѣ не пытаться организовать самостоятельно народныя массы. Нужно, говорили эти революціонеры, сплотить всѣ силы для борьбы съ политическимъ гнетомъ, а для этого не выдвигать самостоятельныхъ классовыхъ интересовъ трудящихся, что можетъ только оттолкнуть отъ борьбы за политическую свободу тѣ группы буржуазнаго общества, которыя теперь не прочь бороться съ самодержавіемъ. Иначе говоря, борьба за соціализмъ въ современной Россіи препятствуетъ борьбѣ за демократію. Нѣтъ, отвѣчали Плехановъ и его друзья, борьба за соціализмъ вполнѣ совмѣстима съ энергичной борьбой за демократію, она немыслима безъ одновременной борьбы за демократическій строй. И невѣрно, съ другой стороны, будто-бы рабочіе, сознающіе необходимость политической свободы, должны оставить въ сторонѣ соціализмъ и вступить въ ряды партіи, борющейся за политическую свободу и только за нее. Самостоятельная рабочая партія, доказывала группа „Осв. Тр“, является надежнѣйшимъ борцомъ противъ самодержавія. Такая партія всегда будетъ поддерживать всякое движеніе противъ самодержавія, но никогда не будетъ при этомъ забывать или скрывать, что она борется во имя соціализма, во имя классовыхъ интересовъ пролетаріата, противоположныхъ интересамъ

всѣхъ другихъ классовъ; что демократическій строй для нея не конечная цѣль, а только средство къ цѣли, но средство незамѣнимое, которое должно быть завоевано прежде всего. Свою политическую борьбу рабочій классъ долженъ вести, какъ организованный классъ, никогда не забывающій своихъ классовыхъ интересовъ и конечной цѣли своего движенія. Народники и народовольцы вѣрили въ возможность совершить въ любой моментъ соціальный переворотъ путемъ-ли всенароднаго бунта, путемъ-ли захвата власти заговорщической партіей. Русская соціаль-демократія доказывала, что такіе глубокіе перевороты въ жизни народовъ не совершаются легко, однимъ ударомъ; что они достигаются настойчивой, медленной работой, постепенно подкапывающей основы, на которыхъ зиждется современный строй. Эта разрушительная работа необходимо совершается самимъ капитализмомъ, который, раззоряя мелкихъ собственниковъ, умножаетъ пролетаріатъ, собираетъ его въ крупныхъ городахъ и въ то же время обостряетъ его борьбу за кусокъ хлѣба, озлобляя и развивая его сознаніе, и самъ роетъ себѣ могилу, подготовляя своихъ собственныхъ могильщиковъ. Дѣло соціаль-демократіи работать на почвѣ, расчищаемой развитіемъ капитализма.

Въ программѣ русской соціаль-демократіи рабочій классъ получилъ дѣйствительное выраженіе своихъ классовыхъ интересовъ. Въ этой программѣ пролетаріатъ разсматривается уже не какъ придатокъ къ общей народной массѣ, а какъ главное ядро народа. Не важно, что первыми провозвѣстниками русской соціаль-демократіи были лица, вышедшія изъ той же интеллигенціи, которая поставляла раньше главную массу борцовъ; въ ихъ программѣ выразился духъ рабочаго движенія, возникшаго уже въ 70-хъ годахъ. Русскій пролетаріатъ, давшій революціонному дѣлу Алексѣевыхъ и Халтуриныхъ, достигъ теперь того, что революціонная партія сливала свое дѣло съ его классовымъ дѣломъ, переставала быть кучкой интеллигентовъ, стремящихся вести за собой народную массу, чтобы стать выразительницей его, пролетаріата, классовыхъ нуждъ, его классовой идеи.

Но большинство революціонеровъ 80-хъ годовъ не пошло за группой „Освобожденія Труда“. Старыя вѣрованія не легко уступаютъ мѣсто новымъ, особенно, если со старыми вѣрованіями связано такое блестящее героическое прошлое. Группа „Освобожденія Труда“ имѣла въ теченіе 80-хъ годовъ очень мало сторонниковъ въ Россіи, большинство революціонеровъ относилось къ ея идеямъ прямо враждебно. Онѣ казались непримѣнимыми

къ Россіи. Плеханову и Аксельроду ставили въ укоръ то, что они возбуждаютъ классовую рознь въ странѣ, гдѣ царитъ самодержавіе, которое можетъ быть сломлено только союзомъ всѣхъ классовъ націи. Имъ указывали на то, что русскій рабочій въ массѣ еще не очень развитъ, что онъ, въ общемъ, не протестуетъ противъ условій труда. И, дѣйствительно, послѣ 1887 г. среди рабочаго класса царило затишье. Промышленный кризисъ окончился, промышленность переживала хорошее время. Пролетаріатъ не проявлялъ признаковъ возбужденія и, казалось, правы были тѣ, кто говорилъ, что еще не скоро въ Россіи сможетъ развиться широкое рабочее движеніе.

Плеханову и его друзьямъ оставалось доказывать, что экономическое развитіе сдѣлаетъ свое дѣло и что періодъ сравнительной тишины будетъ недологъ. А ихъ немногочисленные сторонники въ Россіи приступили къ организаціи рабочихъ кружковъ, къ пропагандѣ идей соціаль-демократіи, хотя-бы только среди болѣе развитой части рабочихъ, вступившихъ въ эти кружки. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣхъ соціаль-демократовъ былъ очень ничтоженъ. Къ началу 90-хъ годовъ только въ немногихъ городахъ (Петербургъ, Владиміръ, Тула, Казань, Харьковъ, Кіевъ, Ростовъ на Д., Вильна, Минскъ) были заложены начала соціаль-демократической пропаганды, и немногочисленные рабочіе кружки съ трудомъ поддерживали свое существованіе подъ постоянными ударами жандармовъ. Въ виду спокойнаго настроенія рабочихъ массъ во время оживленія промышленности, эти соціаль-демократическіе кружки не могли оказать на массы прочнаго вліянія. Они вербовали новыхъ единичныхъ приверженцевъ, но вся ихъ дѣятельность проходила незамѣтно для большинства пролетаріата.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время среди соціаль-демократическихъ кружковъ отнюдь не наблюдалось особеннаго увлеченія стачками, какъ средствомъ улучшенія положенія рабочаго класса. Напротивъ, скорѣе большинство не вѣрило въ возможность, при существующихъ условіяхъ, придать стачечному движенію широкій и планомѣрный характеръ.

Не видя пока ясно, какой путь на практикѣ окажется наиболѣе пригоднымъ для русскаго рабочаго движенія, русскіе соціаль-демократы въ это время ставили своей задачей возможно болѣе содѣйствовать развитію наиболѣе передовыхъ пролетаріевъ.

Рѣзкій переломъ въ ходѣ движенія былъ произведенъ голоднымъ годомъ. На рабочій рынокъ была сразу выброшена громадная масса окончательно раззорившихся крестьянъ, сбивающихъ цѣны на трудъ. А въ то же время нѣкоторыя отрасли промышленности (напримѣръ, бумаго-ткацкая) пострадали отъ сокращенія спроса въ деревнѣ, произведеннаго неурожаемъ. Обиліе безработныхъ позволило фабрикантамъ наверстать нанесенные убытки ухудшеніемъ условій труда рабочихъ. Тѣмъ самымъ капиталисты вывели рабочую массу изъ покоя послѣднихъ лѣтъ. Въ 1892 году произошли кровавые безпорядки въ Юзовѣ, кончившіеся военнымъ судомъ и смертными приговорами. Въ 1893 г. забастовки и безпорядки произошли въ Петербургѣ, Егорьевскѣ (Рязанской губерніи), Харьковѣ, Ростовѣ на Дону; въ 1894 году — въ Шуѣ, Петербургѣ, Тифлисѣ, Минскѣ и Вильнѣ; въ 1895 г. — въ обѣихъ столицахъ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и Тейковѣ, Ярославлѣ, Самарѣ, Орлѣ, Рославлѣ (Смоленской губ.), Минскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ. Въ этомъ году число бастовавшихъ доходило уже, по умѣреннымъ разсчетамъ, до 40-50 тысячъ. Слѣдующій, 1896 годъ, знаменитый петербургской стачкой ткачей, положилъ начало настоящей „стачечной эпидеміи", а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось широкое поле дѣятельности для соціаль-демократическихъ организацій. Въ участіи въ стачечной борьбѣ, захватывающей массы рабочихъ, онѣ нашли наиболѣе пригодное, при данныхъ условіяхъ, средство вывести соціалистическую пропаганду за узкіе предѣлы кружковъ. Становясь во главѣ стачечнаго движенія помогая стачечникамъ формулировать свои требованія и попутно развивая ихъ политическое самосознаніе, соціаль-демократы достигли въ короткое время замѣтнаго вліянія на рабочія массы и успѣли превратить разрозненную, частную борьбу отдѣльныхъ группъ рабочихъ противъ ихъ эксплуататоровъ въ общую, классовую борьбу русскаго пролетаріата противъ угнетающихъ его классовъ. Въ короткое время чувство классовой солидарности и сознаніе общности интересовъ всѣхъ трудящихся и неизбѣжности борьбы за свое право проникли въ самую глубь рабочихъ массъ, и рабочее движеніе завоевываетъ все новые и новые центры*).

---

*) Въ періодъ 1895-1899 годовъ стачки имѣли мѣсто въ губерніяхъ: Виленской, Витебской, Владимірской, Гродненской, Области Войска Донскаго, Екатеринославской, Калужской, Костромской, Кіевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Орловской, Петербургской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Смоленской, Саратовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Херсонской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Ярославской, Тифлисской, Акмолинской, Енисейской. Возможно, что этотъ списокъ не полонъ.

Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и Россія не составляетъ исключенія изъ общаго правила, гласящаго, что вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма развивается и рабочее движеніе.

Чѣмъ яснѣе становится это, тѣмъ все болѣе на сторону рабочаго дѣла переходятъ тѣ революціонеры, которые выходятъ изъ другихъ классовъ. Еще, конечно, не всѣ русскіе революціонеры признаютъ себя соціаль-демократами; не мало и рабочихъ, входящихъ въ составъ организацій, носящихъ иное имя. Но, по существу дѣла, всѣ почти дѣятельные революціонные элементы переходятъ на нашу точку зрѣнія: они все больше вступаютъ на путь классовой борьбы и ставятъ себѣ задачей организацію и развитіе самосознанія рабочаго класса.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сліяніе рабочаго движенія съ соціализмомъ. Ближайшія задачи рабочей соціаль-демократической партіи.

Вмѣстѣ съ созданіемъ современныхъ соціаль-демократическихъ организацій, руководящихъ стачечной борьбой и находящихся въ постоянномъ общеніи съ рабочими массами, начинаетъ совершаться сознательное сліяніе двухъ могучихъ теченій: экономической борьбы, которую, какъ мы видѣли, русскій рабочій классъ велъ уже сто лѣтъ назадъ и не переставалъ вести до сихъ поръ, и борьбы соціально-революціонной, направленной на измѣненіе основъ существующаго строя, борьбы, которую революціонеры-интеллигенты ведутъ съ 60-хъ годовъ, съ самаго почти начала поддерживаемые передовыми рабочими. Мы видѣли, что эти два теченія долгое время шли независимо одно отъ другого. Въ то время, какъ революціонный соціализмъ свилъ себѣ гнѣздо въ средѣ разночинской интеллигенціи, пытавшейся осуществить свои цѣли, то путемъ возбужденія крестьянскихъ бунтовъ, то посредствомъ политическихъ заговоровъ и террористической борьбы, — въ это время рабочіе продолжаютъ вести стихійную борьбу съ эксплуататорами и медленно, но постепенно подпадаютъ вліянію соціально-революціонной мысли. Мы видѣли, что революціонеры-интеллигенты долгое время не замѣчали революціоннаго значенія стихійнаго движенія рабочаго класса и отзывчивости его передовыхъ представителей къ соціалистической пропагандѣ. Мы видѣли,

какъ съ ростомъ революціоннаго движенія въ 70-хъ годахъ, рабочіе начинаютъ выработывать свою собственную общественную программу, которая значительно опережаетъ тогдашнее пониманіе революціонеровъ-интеллигентовъ, приближаясь къ программамъ западно-европейскихъ рабочихъ партій, съ которыми Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ провозгласилъ свою полную солидарность.

Пораженіе партіи „Народной Воли“ очистило почву для появленія новыхъ идей, которыя подвели итогъ совершившимся за 20 лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ, перемѣнамъ въ экономическомъ строѣ Россіи. Въ лицѣ соціаль-демократіи русское соціалистическое движеніе слило, наконецъ, свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата. Послѣ того, какъ въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ капитализмъ пышно расцвѣлъ въ Россіи, а голодъ 91-92 гг. сильно потрясъ условія существованія рабочихъ массъ, вновь разгорѣлась стихійная экономическая борьба, которая на этотъ разъ нашла въ подготовленныхъ рабочихъ-соціалистахъ естественныхъ руководителей. События послѣдняго пятилѣтія связали неразрывными узами русскій пролетаріатъ и русскую соціаль-демократію, и отнынѣ русское революціонное движеніе будетъ идти рука объ руку съ движеніемъ рабочаго класса или, точнѣе говоря, русское революціонное движеніе растворится въ движеніи рабочихъ массъ, которыя вступаютъ на путь сознательной революціонной борьбы противъ существующаго строя.

Ближайшей цѣлью этой революціонной борьбы можетъ и должна быть только та, которую выставили и отстаивали 20 лѣтъ тому назадъ Халтуринъ и его друзья по Сѣверно-Русскому Рабочему Союзу, развивавшіе идею, еще ранѣе отстаивавшуюся членами Южно-Русскаго Союза 1875 года. Четверть вѣка, протекшаго съ этого времени, не измѣнила основныхъ условій положенія рабочаго класса въ Россіи. Какъ и тогда, онъ нынѣ лишенъ всякихъ политическихъ и многихъ гражданскихъ правъ; какъ и тогда, всякая мирная борьба рабочаго за экономическіе интересы объявляется государственнымъ преступленіемъ и подвергаетъ его жестокимъ преслѣдованіямъ; какъ и тогда, существующій политическій строй мѣшаетъ, какъ улучшенію экономическаго положенія рабочаго, такъ и его свободному умственному развитію, давитъ его какъ рабочаго и какъ члена низшихъ „податныхъ“ сословій, какъ гражданина и какъ человѣка. Поэтому, и сейчасъ, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, рабочая партія должна ставить своей насущнѣйшей задачей борьбу за свободное народное госу-

дарство, за демократію, борьбу противъ современнаго государства, полицейски-чиновничьяго, самодержавнаго, крѣпостного.

Въ послѣднее время громко раздавались голоса по адресу соціаль-демократическихъ организацій, упрекающіе ихъ въ забвеніи этой великой цѣли, въ томъ, что они, увлекшись стачечной борьбой, равнодушно относятся къ политическимъ вопросамъ. Мы считаемъ эти упреки не вполнѣ справедливыми. Организаціи, наиболѣе энергично принимавшія участіе въ стачечной борьбѣ, въ то же время пользовались каждой стачкой для пропаганды въ рабочихъ массахъ политическихъ идей, для выясненія имъ враждебности самодержавія интересамъ рабочаго класса и необходимости политической свободы.

Мы думаемъ, что, поступая такимъ образомъ, наши организаціи дѣлали все, что можно было сдѣлать при данныхъ условіяхъ. Задачей агитаціи въ послѣднее пятилѣтіе было расшевелить до сихъ поръ безсознательныя массы пролетаріата, укрѣпить въ нихъ зарождавшееся стремленіе къ протесту, проложить дорогу развитію классовой солидарности и сознанію непримиримой противоположности интересовъ эксплуатируемыхъ и эксплуатирующихъ. Эта задача была неотложна и сама по себѣ достаточна, чтобы потребовать напряженія всѣхъ революціонныхъ силъ.

Но въ настоящее время стачечное движеніе, поставленное на ноги усиліями нашихъ организацій, стоитъ уже на вѣрномъ пути. Стремленіе къ борьбѣ охватило все рабочее населеніе, стачки возникаютъ помимо стараній соціалистическихъ организацій и нерѣдко безъ ихъ помощи стачка проходитъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и при ея наличности. Теперь, когда первые шаги уже сдѣланы, едва-ли будетъ умѣстно продолжать ограничивать нашу политическую дѣятельность политической пропагандой, разъясненіемъ рабочимъ въ листкахъ и брошюрахъ характера правительственной политики и необходимости политическихъ реформъ. Въ области экономической мы не ограничились одной пропагандой идеи противоположности интересовъ труда и капитала и приступили къ организаціи экономической борьбы, указывая массамъ надлежащіе способы ея веденія и ставъ во главѣ борющихся. Точно также и въ области политической недостаточно пропаганды идеи противоположности интересовъ рабочаго класса существованію самодержавія. Мы должны теперь же приступить къ организаціи политической борьбы русскаго пролетаріата съ современнымъ государственнымъ строемъ, должны намѣтить подходящія формы этой борьбы и въ сферѣ политической

перейти отъ словъ къ дѣлу. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ экономической борьбѣ, мы должны прежде всего прислушиваться къ самой жизни. Мы всѣ убѣждены, что политическая борьба можетъ быть успѣшна только въ томъ случаѣ, если она выростетъ изъ нынѣшней классовой борьбы русскаго пролетаріата и на нее будетъ опираться. Поэтому, если наша вѣра въ будущее русскаго рабочаго движенія не ошибочна, то въ немъ самомъ, въ его теперешнемъ состояніи мы должны найти указанія на то, какъ должна сложиться слѣдующая ступень въ его развитіи, та ступень, когда оно будетъ носить политическій характеръ и по формѣ, и въ сознаніи рабочихъ массъ.

Такія указанія даются намъ современной практикой. Стачечное движеніе послѣднихъ лѣтъ привело рабочія массы въ непосредственное столкновеніе съ правительствомъ. То, что Андрей Желябовъ говорилъ 20 лѣтъ тому назадъ, именно, что въ Россіи каждая стачка является политическимъ событіемъ, стало теперь вѣрнымъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Въ каждой крупной стачкѣ рабочіе становятся лицомъ къ лицу, не говоря объ органахъ полиціи и жандармеріи, съ судомъ, съ губернаторами, порою съ министрами*). И если правительство усердно старается каждую стачку превратить въ политическое событіе, то въ сознаніи рабочихъ массъ ихъ экономическія столкновенія съ хозяевами тоже начинаютъ принимать характеръ дѣла государственнаго значенія. Въ нѣкоторыхъ стачкахъ послѣднихъ лѣтъ рабочіе, очевидно, не руководимые соціаль-демократами, приходили къ мысли обращаться непосредственно къ высшимъ властямъ съ требованіемъ вмѣшательства для обузданія своеволія администраціи (стачки въ Ярославлѣ, Златоустѣ, Гусь-Мальцевѣ).

Сюда мы должны направить свою агитацію. Если рабочія массы тяготѣютъ къ тому, чтобы во время стачекъ вступать въ бесѣды съ высшимъ правительствомъ, то наше дѣло постараться о томъ, чтобы эти бесѣды носили принципіальный характеръ, соотвѣтствующій нашимъ идеямъ и высшимъ интересамъ рабочаго класса. Если рабочіе во время стачекъ, обращаясь къ правительственнымъ чинамъ, протестуютъ противъ насильственныхъ дѣйствій правительства, то наше дѣло стать во главѣ этихъ протестовъ, придать имъ сознательно-политическій характеръ, превратить ихъ въ выставленіе опредѣленныхъ политическихъ требованій.

*) Въ 1896 г. С.-Петербургѣ — съ Витте; въ 1897 г. въ Златоустѣ — съ Ермоловымъ и въ Петербургѣ — съ Хилковымъ; въ 1898 г. въ Тифлисѣ — съ тѣмъ же Хилковымъ.

Во время многихъ стачекъ послѣдняго времени рабочіе къ числу своихъ требованій прибавляли требованіе освобожденія всѣхъ арестованныхъ во время стачки товарищей. Выставить и отстаивать такое требованіе рабочую массу побуждаетъ чувство товарищеской солидарности, негодованіе противъ несправедливости администраціи и сознаніе того, что преслѣдованія, обрушившіяся хотя-бы на нѣкоторыхъ, могутъ привести къ неудачѣ стачки. Диктуемое такими побужденіями, это предъявленіе правительству требованій еще не носитъ сознательно-политическаго характера. Но помимо сознанія самихъ рабочихъ массъ, въ этомъ выступленіи заключается зародышъ политической борьбы. Сами не сознавая, рабочіе въ данномъ случаѣ протестуютъ противъ вмѣшательства правительства въ пользу болѣе сильной изъ борющихся сторонъ и противъ произвольныхъ насильственныхъ мѣръ властей. Расширимъ содержаніе этого протеста, придадимъ ему болѣе опредѣленную и осмысленную форму и мы получимъ: во-первыхъ, протестъ противъ системы административныхъ преслѣдованій; во-вторыхъ, требованіе свободы рабочихъ стачекъ, права рабочихъ вступать въ соглашенія для достиженія лучшихъ условій труда. Наша задача въ томъ и заключается, чтобы, разъясняя рабочимъ массамъ этотъ глубоко-политическій смыслъ ихъ подчасъ стихійнаго отпора полицейскому насилію, побудить ихъ каждый разъ, какъ такое насиліе проявляется во время стачки, выставлять не частное требованіе освобожденія арестованныхъ, а общее требованіе свободы стачекъ и прекращенія административныхъ расправъ надъ участниками рабочаго движенія. Такимъ образомъ, каждая стачка сможетъ послужить поводомъ для перехода рабочихъ отъ экономической борьбы къ открыто-политической, и мы нисколько не сомнѣваемся, что то настроеніе, которое рабочія массы обнаруживаютъ во время стачекъ послѣднихъ лѣтъ, дѣлаетъ этотъ переходъ вполнѣ возможнымъ.

Во время Ярославской стачки 1895 г. рабочіе посылали выборныхъ въ Москву къ генералъ-губернатору съ жалобой на дѣйствія мѣстныхъ властей. Во время прошлогодней стачки въ Гусь-Мальцевѣ рабочіе посылали телеграммы министру и тому-же генералъ-губернатору съ жалобами на дѣйствія губернатора и судебнаго слѣдователя. Мы должны стараться, чтобы въ подобныхъ случаяхъ рабочіе не просто жаловались на чиновниковъ, но и протестовали противъ тѣхъ законовъ, на основаніи которыхъ эти чиновники дѣйствуютъ.

Практически мы себѣ представляемъ это дѣло такъ. Началась

стачка. Власти, несмотря на мирное поведеніе стачечниковъ, арестуютъ, запугиваютъ, высылаютъ. Соціаль-демократическая группа должна немедленно приняться за организацію протеста противъ этихъ дѣйствій, въ формѣ-ли коллективной петиціи или телеграммы къ высшимъ властямъ, клеймящей вызывающее поведеніе чиновниковъ и требующей отмѣны законовъ, воспрещающихъ стачки, либо въ формѣ мирной демонстраціи.

Если въ рядѣ стачекъ систематически будутъ выставляться такія открыто-политическія требованія и предъявляться правительству рѣзко-опредѣленные протесты, то можно быть увѣренными, что эта тактика облетитъ, помимо нашихъ стараній, весь рабочій міръ и станетъ столь же общимъ явленіемъ стачечной борьбы, какимъ за послѣдніе годы стало распространеніе воззваній, формулирующихъ общія требованія стачечниковъ и повиновеніе рабочихъ указаніямъ, даваемыхъ въ этихъ листкахъ, или какъ стремленіе рабочихъ поддерживать порядокъ во время стачекъ. Тогда естественнымъ образомъ нынѣшняя борьба русскаго пролетаріата приметъ болѣе общій характеръ и поверхъ частныхъ поводовъ столкновеній выплыветъ, и передъ глазами всего общества и въ сознаніи самихъ рабочихъ массъ встанетъ общая основа борьбы рабочаго класса — стремленіе пролетаріата къ своему соціальному освобожденію.

Если выставленіе одного или нѣсколькихъ опредѣленныхъ политическихъ требованій, какъ свобода стачекъ и ограниченіе административнаго произвола, станетъ обычнымъ спутникомъ каждой болѣе крупной стачки, то намъ уже будетъ нетрудно ввести въ кругъ защищаемыхъ массой требованій и другія, съ ними соприкасающіяся, напримѣръ, требованіе свободы союзовъ или свободы собраній; наша пропаганда необходимости всѣхъ демократическихъ реформъ станетъ для рабочихъ массъ гораздо болѣе близкимъ дѣломъ, чѣмъ она является теперь, и онѣ найдутъ случай выразить свое сочувствіе нашей политической программѣ въ цѣломъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ стачечномъ движеніи наиболѣе благопріятную почву для развитія широкой политической агитаціи, а вопросы правового положенія рабочихъ, какъ продавцевъ рабочей силы и какъ гражданъ, считаемъ наиболѣе пригодными для того, чтобы сосредоточить на нихъ политическую борьбу.

Вотъ почему мы рекомендуемъ товарищамъ попрежнему видѣть въ стачечномъ, вообще въ экономическомъ движеніи рабочихъ массъ центральный пунктъ соціаль-демократическаго движенія при данныхъ общественно-политическихъ условіяхъ, тотъ пунктъ, откуда постоянно будетъ исходить революціонная энергія массъ. Но

ни въ какомъ случаѣ соціаль-демократіи не приходится ограничиваться элементарной дѣятельностью по организаціи стачечной борьбы, сопровождаемой (какъ это было до сихъ поръ) политической пропагандой.

На пути исключительно-экономической борьбы русскій пролетаріатъ можетъ достичь при современныхъ условіяхъ самыхъ ничтожныхъ результатовъ въ дѣлѣ улучшенія своего положенія. Какъ бы ни были относительно низки потребности русскаго рабочаго, но уже на той ступени, которой онѣ достигли, ихъ удовлетвореніе немыслимо для самодержавія. Подъ страхомъ собственной смерти, самодержавіе не можетъ дать рабочимъ свободы профессіональной организаціи въ такомъ объемѣ, при которомъ рабочіе, дѣйствительно, смогли бы постепенно улучшать условія своего труда. Рано или поздно русскій пролетаріатъ долженъ будетъ стать передъ выборомъ — или вступить въ борьбу съ самодержавіемъ, или отказаться отъ надежды достигнуть существенныхъ улучшеній въ своемъ теперешнемъ положеніи.

Соціалистамъ остается избрать одинъ изъ двухъ путей: либо, ведя по прежнему устно и печатно политическую пропаганду, ограничиваться затѣмъ практическимъ участіемъ въ экономической борьбѣ пролетаріата, выжидая, пока въ ходѣ все обостряющейся экономической борьбы рабочія массы сами перейдутъ къ непосредственной борьбѣ съ правительствомъ въ тѣхъ формахъ, которыя имъ представятся подходящими; или-же взять на себя задачу теперь-же организовать политическую борьбу рабочаго класса, также, какъ они старались организовать въ послѣдніе годы борьбу экономическую.

Для насъ не можетъ быть сомнѣнія относительно того, на чемъ слѣдуетъ остановить выборъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ краснорѣчиво говоритъ намъ, что только съумѣвъ выразить ставшія насущными потребности русскаго рабочаго класса, мы смогли въ короткое время пріобрѣсти значительное вліяніе на широкіе слои его и могущественно содѣйствовать развитію ихъ самосознанія. Но выражать потребности класса вовсе не значитъ плестись въ хвостѣ этого класса, а наоборотъ — идти впереди него: не держаться упорно тѣхъ формъ борьбы, которыя уже усвоены широкими массами пролетаріата, но прокладывать путь новымъ, болѣе совершеннымъ формамъ борьбы, въ сторону которыхъ, какъ мы видимъ, пролетаріатъ толкается экономическимъ развитіемъ. Только такая роль достойна соціаль-демократіи, какъ передового отряда рабочей арміи.

Волненіе, вызванное въ массахъ все болѣе разгорающейся экономической борьбой, не можетъ не усиливаться все болѣе и болѣе. Вмѣстѣ съ ростомъ рабочаго движенія ростутъ и ширятся запросы и потребности рабочаго класса, ростетъ его нетерпѣніе, его раздраженіе противъ усиливающагося гнета полицейскаго права. За послѣдніе три года озлобленіе рабочихъ нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ бурныхъ безпорядковъ въ Петербургѣ (апр. 97 и дек. 98 год.), Москвѣ (мартъ и май 97 год.), Серпуховѣ (янв. 97 год.), Екатеринославѣ и Брянскѣ (весной 98 год.), Орѣховѣ-Зуевѣ (ноябрь 97 года), вплоть до послѣднихъ „бунтовъ" въ Николаевѣ (въ апрѣлѣ) и въ Ригѣ (май 99 года). Все чаще въ такихъ безпорядкахъ злоба рабочихъ направляется не столько противъ капиталистовъ, сколько противъ правительственныхъ агентовъ. Таковы недавно разбиравшіеся судомъ безпорядки въ Орѣховѣ-Зуевѣ и на Спасской мануфактурѣ въ С.-Петербургѣ, таковы и недавніе рижскіе безпорядки. Это обстоятельство показываетъ намъ, что если мы не съумѣемъ ввести проявляющееся въ этихъ „бунтахъ" недовольство рабочихъ противъ правительственнаго гнета въ русло систематически-ведущейся, открыто-политической борьбы, оно легко, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, можетъ вылиться въ эпидемію бунтовъ и безпорядковъ болѣе или менѣе кроваваго характера, съ явленіями грабежа и поджоговъ, со всѣмъ тѣмъ, что грозитъ рабочему движенію прежде всего жестокими расправами и, въ концѣ концовъ, полной неудачей.

Во время стачекъ мы всегда рекомендуемъ рабочимъ спокойное поведеніе, воздержаніе отъ всякихъ насилій. Но когда правительство вызывающе относится къ стачечникамъ, когда оно предписываетъ беззаконныя, жестокія расправы надъ ними, когда оно попираетъ ногами самыя элементарныя человѣческія права — въ такихъ случаяхъ имѣемъ-ли мы, какъ революціонеры, право призывать рабочихъ къ порядку, если мы въ то же время не можемъ указать имъ практическихъ путей для борьбы съ тѣмъ политическимъ строемъ, который создаетъ всѣ эти гнусности? Когда пули славныхъ ярославскихъ и домбровскихъ воителей сѣютъ смерть въ рядахъ женъ и дѣтей пролетаріата, не должны-ли казаться жестокой насмѣшкой совѣты держаться спокойно и идти прежнимъ путемъ стачечной борьбы, той самой борьбы, которая неизбѣжно сопровождается подвигами этихъ слугъ самодержавія?

Только выступая какъ политическая партія, имѣющая передъ собой опредѣленный планъ политической борьбы, мы можемъ, не рискуя уподобиться лишенному всякаго гражданскаго мужества

либерализму, призывать рабочія массы къ хладнокровному поведенію въ отвѣтъ на правительственныя безчинства.

Въ Орѣховѣ-Зуевѣ безпорядки, сопровождавшіеся грабежами и разрушеніемъ имущества, были вызваны, какъ это выяснилось на судѣ, убійствомъ рабочаго полицейскими. Понятно, что никакая политическая организація при современныхъ условіяхъ не смогла бы удержать толпу отъ насилій въ тотъ моментъ, когда она разъярена подобнымъ убійствомъ. Но если-бы въ практикѣ стачекъ стало обычнымъ явленіемъ обращеніе къ правительству съ протестомъ по поводу административныхъ гнусностей, если-бы рабочія массы привыкли къ подобнымъ средствамъ борьбы, то раздраженіе, вызванное убійствомъ рабочаго, возможно было-бы отвлечь въ другую сторону, и отвѣтъ рабочихъ на полицейское убійство принялъ бы болѣе достойную и полезную форму.

Майскіе безпорядки въ Ригѣ, когда все рабочее населеніе бросило работу и частью приняло участіе въ безпорядкахъ подъ вліяніемъ только извѣстія о стычкѣ солдатъ съ рабочими джутовой фабрики и завода „Фениксъ", показали, до какой степени разгорячена атмосфера на фабрикахъ въ настоящее время. При надлежащей организаціи и разумномъ планѣ дѣйствій, быть можетъ, удалось бы подвинуть русскій пролетаріатъ по этому поводу на внушительную политическую демонстрацію. Вмѣсто этого, дѣло свелось къ пожарамъ и столкновеніямъ съ войсками. Необходимо энергично работать надъ тѣмъ, чтобы очевидно становящіяся тѣсными рамки исключительно-экономической борьбы расширились и естественно выросла борьба рабочихъ массъ противъ политическаго гнета.

Для такого перехода недостаточно измѣненія характера агитаціи нашихъ группъ во время стачекъ. Сама по себѣ такая агитація не сможетъ обезпечить успѣшнаго хода массовой борьбы. Еще настоятельнѣе, чѣмъ теперь, будетъ необходима систематическая кружковая и печатная пропаганда, болѣе, чѣмъ когда либо, настоятельна станетъ задача организаціи всѣхъ нашихъ силъ для наиболѣе плодотворнаго ихъ примѣненія, задача укрѣпленія всероссійской политической рабочей организаціи.

Пусть каждый въ той области, которая ему наиболѣе доступна, работаетъ для развитія и упроченія нашего дѣла во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ. И, прежде всего, пусть тѣ, которые заняты преимущественно практической агитаціей, преобразуютъ ее въ указанномъ смыслѣ, вводя въ стачечное движеніе элементы политической борьбы. Тѣмъ самымъ они облегчатъ завершеніе процесса сплоченія всѣхъ рабочихъ организацій въ политическую

партію и дадутъ сильный толчекъ развитію политической литературы.

Историческій опытъ показываетъ, что всякое движеніе, достигнувъ извѣстной ступени развитія, легко вырабатываетъ въ своихъ представителяхъ нѣкоторый консерватизмъ, стремленіе держаться именно тѣхъ формъ дѣятельности, которыя развернулись на данной ступени, стремленіе представить эти формы единственно годными, а всякую попытку измѣнить ихъ — попыткой безполезной или вредной. Не мудрено, что и нынѣ раздаются въ нашей средѣ голоса, увѣряющіе, что въ близкомъ будущемъ немыслимъ переходъ рабочихъ массъ къ политической борьбѣ: экономическая борьба, которую ведутъ нынѣ массы русскаго пролетаріата, есть наиболѣе приспособленная къ русскимъ условіямъ форма рабочаго движенія.

Этимъ товарищамъ мы отвѣтимъ одной исторической справкой. Широкое стачечное движеніе есть явленіе, развившееся только въ 90-хъ годахъ. Прежде, чѣмъ оно возникло, какъ извѣстно, дѣло русскаго рабочаго соціализма было представлено немногочисленными рабочими кружками. Насталъ моментъ, когда кружковая пропаганда перестала удовлетворять нѣкоторыхъ соціаль-демократовъ, когда раздались требованія расширить рамки этого движенія. Въ ту пору было выдвинуто требованіе приблизить наше дѣло къ рабочимъ массамъ, пользуясь для этого столкновеніями на экономической почвѣ и развивая стачечную борьбу.

И вотъ въ то время тѣмъ, кто отстаивалъ агитацію на почвѣ экономической борьбы, приходилось выслушивать отъ упорныхъ сторонниковъ кружковщины утвержденіе, что развитіе движенія на такой основѣ немыслимо, что при данныхъ политическихъ условіяхъ все, что мы можемъ сдѣлать — это путемъ кружковой пропаганды развивать сознаніе хотя-бы небольшой части рабочаго класса.

Эти утвержденія въ свое время не остановили сторонниковъ агитаціи, и черезъ нѣсколько лѣтъ они могли съ чувствомъ удовлетворенія указать на успѣхи новой тактики, благодаря которой наше движеніе впервые пріобрѣло непоколебимое основаніе и сфера нашего вліянія на народныя массы значительно расширилась. Блестательный успѣхъ дѣятельности петербургскаго „Союза Борьбы" и другихъ организацій заставилъ исчезнуть недовѣріе тѣхъ, кто ранѣе доказывалъ, что при современныхъ политическихъ условіяхъ немыслимо развитіе въ Россіи широкаго стачечнаго движенія.

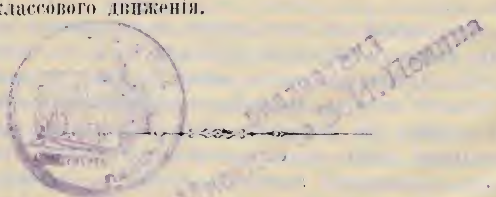
Болѣе того: этотъ успѣхъ былъ такъ внушителенъ, что въ настоящее время экономическая борьба кажется многимъ единственно-

возможной по русскимъ условіямъ, точно также, какъ лѣтъ пять назадъ, такой единственно-возможной формой дѣятельности представлялась кружковая пропаганда.

Экономическая борьба, говорятъ намъ, „естественно-выросшая форма русскаго рабочаго движенія". Но, отвѣтимъ мы, когда въ свое время мы отстаивали тактику развитія стачечной борьбы, въ то время эта борьба была столь же мало „естественной" въ нашемъ смыслѣ, она казалась столь же „искусственной" многимъ тогдашнимъ дѣятелямъ, какою представляется вамъ теперь политическая борьба русскаго пролетаріата. Первые шаги на пути развитія тогда стачечнаго движенія, которое въ настоящее время кажется столь „естественнымъ", были пройдены далеко не такъ гладко, какъ это теперь кажется; приходилось вести борьбу съ предразсудками старыхъ дѣятелей, съ вялостью и забитостью рабочихъ массъ, съ отсутствіемъ въ нихъ прочной привычки къ веденію экономической борьбы.

Поэтому, тѣ, кто въ свое время съ успѣхомъ отстаивалъ переходъ социаль-демократіи къ стачечной агитаціи, не могутъ смущаться доводами объ „искусственности" или непригодности къ русскимъ условіямъ тѣхъ болѣе широкихъ формъ борьбы, переходъ къ которымъ является, по нашему мнѣнію, насущнѣйшимъ вопросомъ. Своимъ единомышленникамъ они могутъ только рекомендовать не увлекаться уже достигнутыми результатами движенія, не застаиваться на тѣхъ этапахъ, которые пройти въ свое время было необходимо именно для того, чтобы съ достигнутой высоты ясно видѣть, какъ еще мало сдѣлано.

Все впередъ! Таковъ лозунгъ нашего движенія. Только тотъ выполнитъ свой долгъ передъ пролетаріатомъ, кто мыслью и дѣломъ будетъ участвовать въ выработкѣ болѣе совершенныхъ формъ его классового движенія.



Изданія Русскихъ Социальдемократовъ

Работникъ. неперіодическій сборникъ, № 1. (Разошлось.) . . . —.—
№ 3-4 фр. 3.—, № 5-6 4.—
Листокъ „Работника“. №№ 1, 5, 6, 7 и 8 по . . . . —.20
№ 2 15 с., № 3-4 —.30
Г. Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. 1.50
Г. Плехановъ. Всероссійское разореніе. (Разошлось.) . . . . . —.—
Д. Кольцовъ. Царское правительство и рабочіе. (Разошлось) —.—
Докладъ русскихъ соціальдемократовъ на международный рабочій конгрессъ въ Лондонѣ въ 1896 г. . . . . —.50
Объ агитаціи, съ послѣсловіемъ **П. Аксельрода.** (Разошлось) —.—
Ф. Лассаль. О сущности конституціи . . . . —.50
Г. Плехановъ. Новый походъ противъ русской соц.-демократіи —.50
Д. Кольцовъ. Три закона . . . . —.50
Д. Кольцовъ. Законъ 2-го іюня . . . . —.50
Матеріалы для характеристики положенія русской печати.
Вып. I и II. по 2.—
Что нужно знать и помнить каждому рабочему . . . . . . —.50
Десятилѣтіе морозовской стачки . . . . —.50
О Штрафахъ . . . . —.50
Рабочій день . . . . —.50
Мартовская революція въ Германіи . . . . —.25
П. Аксельродъ. Къ вопросу о существенныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ . . . . —.40
Современная Россія. (Разошлось.) . . . . —.—
Тайные документы о законѣ 2-го іюня 1897 г. . . . . —.60
П. Аксельродъ. Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи —.40
Задачи русскихъ соц.-демократовъ, съ пред. **П. Аксельрода.** —.40
Г. Плехановъ. В. Г. Бѣлинскій . . . . —.40
Новый фабричный законъ . . . . —.40
П. Аксельродъ. Письмо въ ред. „Рабочаго Дѣла“ . . . . —.30
Г. Плехановъ. Vademecum для для ред. „Рабочаго Дѣла“. . 1.—
Красное знамя. Очеркъ исторіи русскаго рабоч. движенія, съ предисловіемъ **П. Аксельрода** . . . . 1.—

Готовится къ печати:

Г. ПЛЕХАНОВЪ. Еще разъ Соціализмъ и Политическая Борьба.

Г. ПЛЕХАНОВЪ. Критика нашихъ критиковъ.

Цѣна: 40 коп.

Складъ изданій при типографіи: Genève, Chemin Tramways,